

Дмитрий
Захаров

ЛЕТОПИСЬ
ЧЕРТОПОЛОХА

Дмитрий Захаров

Летопись Чертополоха

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10831626
«Летопись Чертополоха» / Захаров Д.А.: Э.РА; Москва ; 2015
ISBN 978-5-00039-175-4

Аннотация

С древних времен наш мир находился под неустанным вниманием. Известные диктаторы, ученые полководцы черпали вдохновение от обитателей Зеленой страны. Но равновесие оказалось нарушено, с тех пор как таинственная Летопись Чертополоха попала в руки рыцарей одомитов. Древние колдуны, маги, чародеи проникают в благополучный Санкт-Петербург посредством заурядного антикварного зеркала. Земля находится на грани катастрофы...

Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

96

Дмитрий Захаров

Летопись Чертополоха

Глава 1

Камни света

ГОРОДСКОЙ ВЕСТНИК. Областное информационное издательство Санкт-Петербурга. Центральный район.

«Удивительное явление могли наблюдать горожане субботним утром 14 июня в районе Выборгского шоссе, в шести километрах от Зеленогорска. Над лесом сформировалась локальная область низкого атмосферного давления. Ветер образовал воронку, наподобие небольшого торнадо, золотое свечение видели с трассы проезжающие автомобилисты. Природный феномен длился не более двух минут и исчез. К сожалению, никто из свидетелей не сумел сделать достоверные снимки аномалии. Наши корреспонденты не получили объяснений от специалистов, однако из Петербурга уже отправилась группа метеорологов. Мы будем держать читателей в курсе событий»

Сыпучий хрящ издавал зловещее рычание. Он прижался спиной к скале, защищая свой тыл. От топота массивных копыт дрожала земля. Загрибок покрыт панцирем из твердых, плотно прилегающих друг к другу пластин, такую защиту не прогрызть ни одному муравью. Но хитрые насекомые избрали иную тактику боя. Они отвлекли внимание зверя, вскарабкавшись на плоские белые камни, намереваясь кинуться на врага сверху. Хрящ задрал тонкую шею, угрожающе выставив длинный рог, желтый глаз горел ненавистью и жаждой крови. И это была его ошибка. Наследный принц Драган, сын Валтасара нырнул под брюхо зверя, и вонзил острые челюсти в незащищенное горло хищника. Хрящ завалился на бок, смяв кусты диких роз, острые колючки впились в брюхо животного, но он не почувствовал боли. Десяток муравьев набросились на поверженную добычу, мощные челюсти рвали яремную вену, сухую землю оросила черная кровь. Сыпучий хрящ издал предсмертный вздох и затих. Воины отступили, их работа закончена. Из глубоких нор суетливо выползали рабочие. Они облепили тушу со всех сторон, и поволокли ее в пещеру.

Наследный принц скромно принимал поздравления товарищей, золотая корона светилась на гладком лбу. Сын Валтасара должен сегодня ночью пройти обряд инициации, он

немного волновался, а потом решил прогуляться по пустыне. Драган неторопливо направился к зияющему черному жерлу пещеры. Там проживают друзья бастарды, знатный муравей любил общаться с их детенышами. Бастарды лишены надменной кичливости, присущей остальным жителям Зеленой Страны.

Он пересек прогалину, заросшую выгоревшей на солнце травой, и оказался посреди нагромождения высоких скал. Над головой мелькнула черная тень, принц не придавал этому значения – орлы не посмеют напасть на отпрыска королевского рода. И в то же мгновение, сильный удар в голову заставил его судорожно сомкнуть лапки. Он попытался нырнуть в скалистую расщелину, но второй удар отсек голову насекомого, и она покатила по земле, как гладкий черный шар. Выпуклые глаза помертвели, затянувшись серой пленкой.

Двое склонились над поверженным насекомым. Мужчина вытер меч о траву, подобрал с земли корону, небрежно бросил ее в сумку.

– Это и есть Драган?

– Он, не иначе... Корону видишь?

– Откуда муравьи берут золото, тень их топтать?

– Говорят, под землей его навалом... – женщина брезгливо толкнула носком кожаного сапожка безжизненное тело насекомого.

– Дело сделано?!

– Точно так. Уходим, пока бастарды из своих пещер не повылезали.

Люди скрылись, сильный порыв ветра пронесся над выжженной землей, в небе горело равнодушное солнце, а на земле лежал скорчившийся трупик огромного муравья, наследного принца крови Драгана сына Валтасара.

Выборгское шоссе. 58. Километр. 08.45.

Мальчик стремительно бежал по лесу, босые ступни едва касались мшистой земли. Поодаль мчались два огромных пса. Чепрачного окраса кобель, морда как у маламута, с обведенными черными дугами вокруг узко посаженных медвежьих глаз, и рыжая сука, на шее белое пятно, и молочного цвета грудка. Собаки бесшумно скользили подле человека, как две молчаливые тени, готовые немедленно пустить в ход острые клыки, по первому зову юного хозяина. Рассвет смазал верхушки сосен бледной золотой талью, просыпались птицы, робко пробуя на вкус свежий воздух. Чуя поступь незнакомцев, в заросли папоротника нырнула змейка, сбилась в тугие кольца, и затаилась в корневищах столетнего дуба. Над верхушками корабельных сосен с отчаянными воплями носились сороки, оповещая лесную братию о появлении не званых пришельцев. Мальчик остановился, густые волосы рассыпались по плечам, на смуглой груди висит тонкая золотая тесьма, в тугой петле увязан овальный камешек, размером с голубиное яйцо. Широкий кожаный ремень опо-

ясывает тонкую талию подростка. Он провел пальцами по рукояти искусно выполненного кинжала, висящего на бедре в простецких ножнах, опустил на четвереньки и слизал крупницу прозрачной росы с шершавого листка подорожника.

– Необычный вкус... Много соли! – голос у него был ясный, чистый, как у певчего в католическом храме.

Псы встали как вкопанные, подняли влажные носы к небу, внимательно нюхая воздух. Ребенок погладил животное по могучей холке.

– Тебе пора уходить Латона... – он грустно покачал головой. – Пора!

Рыжий пес протестуяще зарычал, обнажив желтые клыки.

– Не сердись, девочка! – Мальчик опустил на колени, обнял псов, прижался лицом к мягкой шерсти кобеля. – Я позову вас, когда будет нужда. – Прощайте! – Он повернулся, и скрылся за сросшимися меж собой кривыми елями. Собаки неуверенно топтались на месте, Латона подняла острую морду к небу, и протяжно завывла. Притихшие сороки, возобновили скандальный галдеж. Бурбуль решительно мотнул большой головой, рыкнул на подругу, и прыгнул в чашу. Тихо поскуливая, рыжая собака потрусилась за товарищем.

Мальчик бежал еще несколько минут в одиночестве, ветер разметал шелковые кудри. Он прижал ладонь к гладкому камешку, слабо загудела кожа, поднес амулет к глазам.

Крошечные черные точки плясали как веселые крохотные муравьи.

– Здесь! – выдохнул ребенок, и поправил ножны. Вскоре на краю леса возникла завеса густой листвы. Оттуда раздалось громкое фырканье и рев мотора. Мальчик недовольно сморщился, обнажив острые белые зубы, и легко перемахнул широкую канаву, наполненную стоячей водой. Он стоял на окраине пустынного шоссе, красные габариты грузовика скрылись за поворотом. Клубы выхлопных газов оседали на землю, словно хлопья ядовитого тумана. Неожиданно, грузовик чихнул, как больное животное и остановился. Ребенок забавно сморщил нос, понюхал горячий асфальт, и рассмеялся.

– Будто жирный струч обожрался! – он безбоязненно вышел на дорогу.

Солнце уверенно карабкалось по чистому небосклону, день обещал быть жарким.

* * *

Надя крепко сжимала упругий руль. Из динамиков магнитолы уныло пел Род Стюарт, но даже печаль, сквозящая в сиплом голосе британца, не могла испортить ей радужного утреннего настроения. Сегодня она встречается с Димкой Рословым. Прекрасное субботнее утро, впереди отличный день. Жаркий нынче июнь стоит на северо-западе, она успе-

ла загореть, и смуглую кожу стройной блондинки выгодно оттеняли яркие синие глаза, и черные брови, доставшиеся в наследство от бабушки украинки. Она надела голубое платье с вызывающими разрезами, хотя оно едва ли уместно для эксперта МВД. Ну да, к черту условности! Синий цвет удачно подчеркивает загар. Дорога пустынна, по пути ей встретился лишь старенький грузовик, на обочине. Мотор издавал предсмертные хрипы, как агонизирующий астматик. Надя притормозила, опустила ветровое стекло.

– Помощь не нужна?!

Хмурый водитель не обернулся. Он раздраженно махнул рукой, вытер замасленным рукавом лоб, и погрузился с головой в урчащее жерло мотора, словно намереваясь выудить оттуда сказочный приз.

Девушка пожалала плечами, и нажала педаль газа. Поведение недружелюбного шофера показалось ей странным, но уже через мгновение она позабыла об этом. Хрипнул Род Стюарт поперхнулся, и замолк на полуслове, голубой огонек магнитолы погас, привычное урчание двигателя «тойоты» стихло. Автомобиль прокатился по инерции несколько десятков метров и остановился. На шоссе стоял полуголый мальчик. Он был похож на кукольного индейца, какими их изображали в кинофильмах. Смуглая кожа, длинные черные волосы, дерзко разметавшиеся по плечам. На груди болтается обычный серый камешек, увязанный золоченым шнурком, на поясе у мальчугана висят ножны. В них покоится

старинный кинжал. Рукоять кинжала усыпана драгоценными камнями. На округлой шишке эфеса сверкает багровый кабошон рубин. Мальчик улыбнулся, прозрачные как весеннее небо голубые глаза излучали безмятежное спокойствие.

Надя была осторожная женщина, десятилетний стаж работы в органах приучила ее мыслить линейными схемами. Она вышла из машины, и приблизилась к ребенку.

– Здравствуй, мальчик! Ты кто?! Откуда здесь взялся?!

Вопрос не являлся праздным. Пустынный перегон Выборгского шоссе, до ближайшего садоводства километров пять. И откуда у ребенка такой кинжал на поясе?! Самоцветы настоящие вне всяких сомнений. Хороший эксперт отличит старинный корунд от подделки без специальных приборов. А Надежда Петровна – хороший эксперт!

Ребенок повел себя необычно. Он шагнул к женщине, бесцеремонно взял прядь ее волос, медленно сжал кончиками пальцев.

– Ведьма! Красивая ведьма! – восторженно хлопнул в ладоши. – Ты отведешь меня к Страннику. – уверенно заявил он.

– Спасибо, конечно за комплимент, молодой человек! – усмехнулась Надя. – Разве тебя не учили, что трогать руками посторонних людей неприлично! И будь любезен, отвечай на вопросы старших!

Незнакомец будто и не слушал женщину. Он нырнул в машину, и улегся на заднем сиденье, словно намеревался там

спать.

– Поехали!

– Слушаюсь! – иронично хмыкнула девушка. Она лихорадочно соображала. Паршивец чокнутый, это точно. Чем скорее она доставит его в больницу, тем лучше. Откуда у ребенка такой нож?! Не говоря уж об антикварной ценности, лезвие длинной добрых двадцать сантиметров! Она покосилась на диковинного пассажира. Тот по-хозяйски развалился на заднем сиденье, и смотрел на нее сквозь прикрытые ресницы.

– Ты не должна бояться меня, ведьма! – он ободряюще улыбнулся. – Я не причиню тебе вреда. Другое дело, Гальфрид. Возможно, он захочет встретиться с тобой. Это опасно.

– Кто такой Гальфрид? – она задала вопрос чисто автоматически, копирую манеру Рослова, не оставляя без внимания ничего сказанного людьми.

– Рыцарь. Наемник. – коротко ответил загадочный ребенок. – Но Гальфрид благородный, чистокровный одомит. Хотя и падший... Он не станет воевать с женщиной, даже если она ведьма. Он тебя просто убьет. Другое дело – Земфира. Полукровки жестоки и мстительны. Вот кого следует опасаться, так это Земфиры.

– Благодарю за предупреждение! – девушка вытерла со лба капли пота. Хотела вложить в тон долю сарказма, а получилось испуганно.

– Слово в радость! – кивнул мальчик, и закрыл глаза.

Только сейчас Надя обратила внимание на то, что впервые за десять лет водительского стажа, покинула машину, оставив ключи в гнезде зажигания. Это ошибка. Она поспешно села на водительское сиденье, мотор взревел сам по себе, загорелись лампочки на приборной панели, Род Стюарт хрипло заныл что то унылое, аккуратно с той ноты, на которой его грубо прервали. Чудеса!

– Скажи хотя бы, как тебя зовут, таинственный незнакомец? – усмехнулась девушка.

– Ратибор. Лучший из колдунов, которых знавала Вотчина одомитов, покровителей Зеленой Страны и провинций! – в тоне ребенка прозвучали неподдельные детские интонации хвастуна и заправского лгунишки.

– Ратибор... – Надя посмотрела в обзорное зеркало, мальчишка свернулся в клубочек, как домашний котенок, и засунул большой палец в рот. Салон «тойоты» наполнился запахом цветущего жасмина. Аромат был настолько ярок, словно кожаные сиденья опрыскали дорогими духами.

Надя Еременко была человеком действия, а потому, не раздумывая включила передачу, и «тойота» тронулась с места. Сначала отвести чудного мальчишку в управление, а там видно будет. Праздничное настроение не оказалось испорченным. Забавно начинается это утро! Будет что рассказать Димке! Она с нетерпением ждала встречи с Рословым, стрелка спидометра уверенно пересекла отметку сто километров в час. Через сорок пять минут она будет на месте...

ПРОВИНЦИЯ ЗЕЛЕНОЙ СТРАНЫ. ГРАФСТВО СИНИЙ РОМ.

Замок властителя Синего Рома напоминал обглоданную рыбью кость. Черный шпиль, с развевающимся голубым флагом был похож на украденный кусочек неба. Вычурные окна в стиле зрелого барокко увиты стелящимся плющом и побегами дикого винограда. Ворота украшал такой же голубой флаг, но меньшего размера, на полотне красовалась выпуклая голова муравья, увенчанная золотой короной. Дон Громмель задрал голову, внимательно изучая яркий штандарт.

– В былые времена наши стяги украшали головы леопардов! Как ты считаешь, Лука?

У него был сиплый простуженный голос, а длинную шею покрывал толстый шарф из овечьей пряжи. Коренастый мопс, внимательно осмотрел замок. Выпуклые глаза животного слезились, в период цветения жимолости у него началась аллергия, он часто чихал, и тер морду лапами. Пес ухмыльнулся, но промолчал, и подмигнул маленькому пузатому человечку. Малыш презрительно сплюнул на землю, и потер кулаком багровый шишак под левым глазом.

– Ромы портят породу достойных обитателей провинции! Круп им в дышло!

– Индюк! – едко заметил мопс, задрал ногу, и обдал пахучей струей, вросший в землю зеленый камень.

Громмель с трудом сдержал улыбку.

– Вели открывать, Шнопс, а то не получишь вечером мыла.

– Слушаюсь! – толстяк послушно дернул массивную дверную ручку, мелодично зазвенел колокольчик, ворота медленно распахнулись, и мужчины прошествовали вовнутрь.

К гостям немедленно подлетели две огромных стрекозы, тонкие крылья трепетали в воздухе, поднимая с земли неведомую багровую пыль.

– Дон Громмель ван Остаде! Господин Лука! Какая честь для хозяев Синего Рома! Дон Адам Голубой спрашивал, где это, дескать мои друзья? Куда запропали? Вас ждут с нетерпением! – выпуклые золотые глаза светились как у придурковатых собак, челюсти благоговейно сжимались. Шнопс испуганно закрыл голову маленькими ладонями, и опустился на корточки. Мопс рассмеялся, обнажив короткие сточенные клыки.

Человек раздраженно отмахнулся, мгновенно извлек из складок длинного плаща изогнутый кинжал, в солнечных лучах сверкнуло кривое лезвие.

– Пошли прочь, тупые насекомые! Передайте Тощему Рому, что я сам без труда найду дорогу в его берлогу! Адам Голубой... индюшачье имя!

– Как будет угодно дону! Как будет угодно!

Стрекозы дружно взмыли в небо, и скрылись в черных анфиладах здания. Торица прошествовала дальше. Вдоль до-

роги раскинулись торговые ряды. Простолюдины и военные с праздным видом шлялись по улице, разглядывали выложенный на прилавках товар. Полотна голубой ткани, фальшивая серебряная посуда, примитивные подделки под Камни Света – прочая шелуха для невзыскательных туристов. За фасадом здания расположились многочисленные кузницы. Мирный народ ромов не оставлял тщеславной мысли о триумфе, оттуда полыхало красным маревом, доносился звон молотков, крики мастеров. Оружие ковалось круглые сутки напролет, Громмель отметил это событие, хотя блеклые серые глаза, прикрытые набрякшими веками, сохраняли сонно безразличное выражение.

Толстяк отряхнул мешковатые штаны от красной пыли.

– Круп им в дышло! – он тяжело дышал, румяное лицо покрылось белыми пятнами, багровый шишак приобрел жутковато синий цвет. – Я хотел достать посох, но споткнулся... – он дрожащими руками указывал на кривую палку, с металлическим острием на конце. – Славная могла быть битва, дон Громмель! Я запросто мог поразить врага!

– Не робей, пасюк! – усмехнулся мужчина. – Любой полукровка боится летающих стручей...

Возьми! – он кинул слуге кусочек обмылка, который тот с ловкостью поймал налету, благодарно кивнул, тотчас натер им шишку на лбу, а остаток бережно спрятал в залатанную полотняную сумку. Опухоль на глазах спала, Шнопс повеселел, и спешно ковылял за хозяином.

– Точно индюк! – повторил пес.

Им навстречу кинулся одноглазый бастард, одетый в кожаные штаны галифе и широкополую шляпу с гусиным пером. Он сунул под нос людям горсть ручных муравьев, и зашепелявил, проглатывая согласные.

– Благогодные доны! Собгаговолите поддержать коммерцию, доброго геловега! Гупите разумных мугавьев!

При ближайшем рассмотрении товар оказался заурядной подделкой, обычные насекомые из разворованного муравейника.

– Пошел вон! – слуга замахнулся своим посохом.

Бастард тотчас узнал дона Громмеля, не без шутовства отвесил поклон, сдернув с лысеющего черепа шляпу с пером, и растворился в толпе. На красной земле шныряли разбросанные им насекомые.

Визитеры прошли через железные ворота, и оказались в цветущем саду, залитом ярким солнечным светом. Воздух пах сладкими мимозами и астрами. Выложенная плитами дорожка из разноцветных самоцветов, излучала все цвета радуги. Зеленый малахит, дымчатый, как шкура благородного дегу топаз, голубой лазурит, переливающийся опал, пурпурная яшма. Для добычи таких камней требовались годы, трудолюбивые ромы не теряли времени даром на все, что касалось роскоши и красоты. В окружении зарослей желтых роз среди благоуханной тени расположилась увитая гиацинтами беседка. От приторного аромата кружилась голова, в

прозрачном бассейне плескались золотые рыбки каждая размером с хорошую треску. Лука понюхал цветы, и громко чихнул, а Шнопс тотчас встал на цыпочки, перегнулся через золоченую ограду, запустил трехпалую ладонь в воду, и взбил мутную пену. Рыбы испуганно метались по кругу, со дна поднялся гигантский рак, и кося на чужака выпуклым черным глазом, устремился в атаку. Толстяк испуганно отпрыгнул, забрызгав штаны каплями соленой воды. Громмель равнодушно сорвал лепесток розы, прижал к сухим губам шелковую ткань.

– Сухой цвет, мертвый вкус... – пробурчал он непонятные слова.

– Будь осторожен, одомит! – мопс натянул длинный поводок.

Из беседки, навстречу посетителям вышел мужчина в длинном голубом платье. Его окружали ленивые павлины, красивые птицы распускали веером ажурные хвосты, вытягивали длинные шеи, и оглашали окрест омерзительными воплями. Разевая загнутые клювы, они демонстрировали острые зубы, и трубчатые желтые языки, с основания которых стекали капли тягучего бурого яда. Шнопс воинственно размахивал своим посохом, пытаясь держаться за спиной хозяина. Хозяин сделал страшные глаза.

– Брысь!

Птицы недовольно галдя, разбегались прочь по каменным аллеям сада.

– Любишь ты никчемную роскошь, Адам Голубой! – без улыбки сказал Громмель. – А лепестки мертвые...

– Люблю! – сокрушенно кивнул головой ром. – Каюсь! Но ты изменишь свое мнение, когда я угощу тебя лучшим отваром, что можно сыскать во всей провинции! Привет уважаемому Луке!

Длинные пальцы графа были унижены тяжелыми перстнями, в мочках ушей свисали белые серьги, волосы на макушке выбриты, как это принято у ромов. Мужчины обменялись вежливыми поклонами, мопс сдержанно кивнул, рукопожатия не последовало – визит одомита был сугубо официальным.

– Рад видеть благородного дона Громмеля! Прошу посетить мой скромный дом, и угоститься лучшей олениной во всей округе!

– Слово в радость! – кивнул мужчина, и зашагал следом за хозяином, собака ковыляла рядом, уморительно переваливаясь на коротких лапах.

– О слуге позаботятся. – Тощий Ром снисходительно посмотрел на чумазого Шнопса. – Твоя демократичность граничит с чудачеством, превосходный дон! Взять в прислужники чуня, это верх легкомыслия! Что скажут в Совете одомитов?

– Я вхожу в этот Совет, если ты не забыл! – сухо отрезал мужчина. – Этот человек – полукровка.

Его отец – падший одомит, согрешивший с чуней. Будь

любезен накормить его и спрятать в тень. И пусть его обслужат люди, а не стручи. Шнопс боится стручей, а мыло нынче недешево стоит. И не утруждай нас столь высокопарным именем-Адам Голубой! У меня развивается комплекс неполноценности. – он поправил свой шарф, и шагнул под узорчатую арку, отлитую из чистейшего серебра.

Тощий Ром щелкнул пальцами, к слуге тотчас подбежали два коренастых бульдога, Лука сдержанно зарычал, но псы не обратили внимания на собрата, и повлекли толстяка в тень, отбрасываемую высокими кипарисами.

Парадная зала утопала в роскоши. Повсюду висели красочные штандарты, с изображением коронованного муравья. По углам застыли чучела крокодилов, драконов и сыпучих хрящей в натуральную величину. Таксидермисты поработали на славу, драконы казалось, готовы были извергнуть потоки огненной лавы из зубастых пастей, а у одного из хрящей на длинном рогу запеклись следы бурой крови несчастной жертвы лютого хищника. Потолочный плафон, расписанный лучшими мастерами Синего Рома, изображал сцены охоты на девятиглавую гидру. Дюжина обнаженных борцов копошились в прибрежной тине. Мускулы на их спинах вздулись как корабельные канаты. Двое лежали в воде, растерзанные чудовищем, остальные сжимали в руках тонкие сети. Картина поражала своей натуралистичностью. Громмель долго стоял, задрав голову, отчего иллюзия выглядела объемной. Гранитныеobelisks, обрамленные серебряными ба-

гетами, занимали большую часть высоких стен. Вытесанные сцены из твердого камня запечатлели драматические эпизоды минувших трех войн, сцена триумфа ромов, и поверженных врагов. Мужчина хрипло прокашлялся.

– Мне, как одомиту следует доложить Совету о наглядной агитации, и призыву к бунту порабощенного народа ромов!

– Ромам нельзя доверять, родное сердце! – мопс вскочил на скамью, и тщательно обнюхивал расставленные на столе блюда и напитки.

Тощий Ром побагровел.

– Великоречивый дон шутит, я полагаю!

– Ну, же, граф! Не следует буквально понимать собеседника! Не станешь ведь ты убивать величайшего мага и колдуна всех провинций в собственном доме?! – широко улыбнулся Громмель ван Остаде. – Тем паче, я полагаю, на картинах изображены жалкие чуни и прочие бастарды. Не так ли?! – лицо мага излучало саму безмятежность.

«Черт его побери, этого хитрого одомита!» – подумал граф. – «Если то, что о нем рассказывают правда, хотя бы наполовину, едва ли меч поможет его убить!» Он широко улыбнулся, провел пальцами по сбритой макушке, и гостеприимно простер руку к столу.

– Я вспылел, каюсь. Сказываются две минувшие войны. Застудил колено в болотах Топной Чуни. Однако прежде чем мы приступим к трапезе, хочу спросить. Чем обязан визиту?

– Пустяки... – колдун задумчиво щелкнул пальцами. –

Прогуливались в твоих угодьях, вот и вспомнил о своем племяннике.

– Это великий маг!

– Могу я его видеть?

– Увы! С раннего утра он убежал со своими псами на поляны. Должен скоро вернуться.

– Лжет! – лаконично объявил мопс.

– Странно, что я не чувствую его запаха! – безразличные до сего момента глаза мага вперились в лицо графа, зрачки сузились до игольных точек. Тощий Ром попытался отвести взгляд в сторону, но не смог. Пальцы рук, сжимающие рукоять меча безвольно разжались, надменные губы раскрылись как у выброшенной на берег рыбины, лицо приобрело тупое выражение оглушенного бастарда.

– Я говорю чистейшую правду... – голос звучал плоско, мертво, лишенный басовых нот. – Мальчик ушел ранним утром... И собаки с ним. С тех пор его никто не видел...

– Не посещал ли он накануне Ворота Домны?

– Да... Вернее нет. Он спрашивал про Ворота Домны. Я не хотел рассказывать, но он – великий маг...

– Даже более великий, чем его дядя?! – губы Громмеля искривились в язвительной ухмылке, но глаза неотрывно сверлили лицо графа.

– Думаю это так. Мальчик самый могущественный колдун из всех, кого знала Вселенная.

– Довольно! – гневно крикнул колдун, и отвернулся.

Тощий Ром глупо улыбнулся, вытер ладонью вспотевший лоб, тоскливо огляделся по сторонам. Под потолком кружил струн, его крылья работали как пропеллеры, поднимая с каменных плит крошки невесомой золотой пыли. Лука деловито обследовал разносолы, отхватил кусок свежей оленины, и яростно чавкал, мотал тупорылой головой, пытаясь перегрызть тугие жилы.

– О чем мы сейчас говорили? – переспросил ром.

– Ты стал рассеянным, граф! – Громмель шутливо погрозил длинным пальцем. – Я жду не дождусь твоей хваленой оленины!

– Конечно! Прошу извинить, отведать мяса и испить нектар!

– Все проверено, можно кушать! – довольно хрюкнул Лука.

Колдун поклонился, и уселся за стол.

– Прекрасный гость изволит позвать мою челядь для пиршества? – ром изобразил на вытянутом лице гримасу благочестия и радости. – Они почтут за великую честь пировать за одним столом с именитым одомитом, славным доном Громмеллем ван Остаде, бесстрашным гауптманом Трех войн, и наместником самого оберст-генерала Эргена Сладкоречивого...

– Хватит! – мужчина поднял ладонь, с трудом сдерживая приступ раздражения. За сладкой патокой лести, что источал граф своей речью, сквозила неприкрытая издевка и оби-

да порабощенного властителя. – Зови своих подданных. Сегодня я просто хочу выпить, поесть и отдохнуть в твоей компании. Эпитеты оставим для официального приема.

– Мудро. Мы ведь с тобой не осилим все, что здесь наготовлено!

Оба принужденно рассмеялись, многозначительно хихикнул мопс. Граф хлопнул в ладоши, в зал тотчас вбежали несколько человек. Нарядно одетые в расшитые серебром голубые платья, у мужчин выбритые макушки, тяжелые серьги в ушах, покатые плечи и выпуклые животы – признак красоты и благосостояния среди зажиточного люда. Женщины хорошенькие, светловолосые изредка смуглые – результат многолетнего ига одомитов, почти полностью обнаженные, с покрашенными хной сосками. Люди почтительно кивали знатному гостю, шепотом переговаривались, рассаживались по местам.

Умелый виночерпий объявился бесшумно из-за спины, со своим кувшином, но Громмель угадал его появление за несколько шагов. Рука метнулась к клинку, но тотчас он расслабился. Единственное уязвимое место на теле колдуна точка между шейными позвонками, ахиллова пята бессмертного мага, была надежно закрыта толстым шарфом. Его фирменный знак. Многие одоимты интеллектуалы носили такой же шарф, копируя маститого соотечественника. И только два человека во всех провинциях знали о том, что овечья шерсть не защищает колдуна от простуды. Прекрасный

Громмель ван Остаде, и преданный как боевой пес полукровка Шнопс. Под слоем ткани крепился надежный металлический костяк, защищающий бессмертного мага от вражеского оружия. Каждое утро слуга проверял надежность замка, и прилеплял крохотный волосок к узкой уключине. Уже более семи лет, с последнего покушения на жизнь гауптмана, ежедневно повторялся этот ритуал.

Тощий Ром на правах хозяина дома произносил длинный цветастый тост. Ромы мастерски умели писать картины, строить красивые уютные жилища, разводить потрясающие по красоте цветники, сочинять тосты и заниматься любовью. Они совершенно были непригодны к военному ремеслу, хотя во время Второй войны сражались отчаянно, слов нет. Но противостоять одомитам – дело плевое. Однако будучи ловкими дипломатами, ромы блестяще овладели искусством лжи и убеждения. Громмель рассеянно слушал хозяина дома, зная по опыту, что стоит начать всерьез воспринимать все ту трепуху, что несет этот пузатый, разряженный как ядовитый павлин говорун, он потеряет душевный покой. А со лжецами ромами этого делать нельзя.

Наконец граф закончил, все аплодировали. Маг невнятно хлопнул в ладоши, и пригубил из бокала. У него перехватило дыхание. Нектар из смоквы оказался потрясающим! Даже не осязатима ядреная крепость напитка! Словно он глотнул огненную вытяжку из розовых лепестков.

– Ай да нектар! – выдохнул колдун.

– Слово в радость! Наши женщины собирают зрелые смоквы в долине. Секрет приготовления известен только роммам!

Тощий Ром сиял от восторга, он сделал незаметный жест виночерпию, тот быстро цедил пурпурную жидкость в бокал знатного гостя. Напротив сидела улыбчивая брюнетка. Она не сводила черных как масленичные ягоды глаз с мужчины, и медленно облизала пухлые губы розовым язычком.

– Ты и есть та самая знаменитость?! – голос у девушки был низким, чуть хриплым. Именно таких черноволосых смуглых бестий предпочитают одомиты! Вот так Тощий Ром! Хитер, хрящ сыпучий!

– Будь внимателен, одомит! – мопс восседал рядом с человеком, на специальной подушечке. Он проглотил сочный кусок мяса, громко рыгнул. – Хитрая девица, родное сердце!

– Спасибо, Лука! Я разберусь. Это зависит от того, что именно ты имеешь в виду, красавица! – усмехнулся Громель. – Известных людей немало в Зеленой Стране. И не сердись на моего партнера. Он весьма бдительно относится к любым новым знакомствам. – Он погладил собаку по голове, и с наслаждением вгрызся зубами в кусок парной оленины. Алая кровь стекала по щекам. И здесь граф угодил! Олень был совсем юный, не пуганный, иначе бы мясо приобрело волокнистую жесткость.

– Я не сержусь. Мне нравится Лука. Говорят, ты – знаменитый маг, колдун и чародей! А в прошлом – бесстраш-

ный гауптман, погубивший не одну сотню ромов, чуней и бастардов! – женщина подалась вперед грудью, в отличии от остальных девиц ее соски не были покрашены, отчего она казалась голой, незащитной на фоне своих подруг, а оттого особенно желанной.

– Спасибо за комплимент! Война – скучное занятие по сравнению с любовью.

– Слово в радость! – пушистые ресницы девушки дрогнули. – Пойдем танцевать?

В залу незаметно вошли музыканты, и ударили по струнам, высоко над сводами замка гремела лихая мелодия, весьма популярная среди молодежи одомитов довоенной поры. Громмель почувствовал, как ноги сами выделают коленца под столом, и не помышляя больше о коварных замыслах Тощего Рома, невзирая на угрюмое сопения мопса, пошел танцевать с незнакомкой.

Она прильнула к нему всем телом, поместила губы в ушную раковину, и тихонько, словно ручная змея свистела мелодию. Девушка знала толк в танцах, изношенное сердце колдуна забилося часто и тревожно.

– Ты – полукровка? – он отстранился. Рядом танцевали остальные ромы, разбившись на пары. Схваченная в обнимку Тошним Ромом худая блондинка, старательно целовала партнера в лоб и щеки. Поравнявшись с колдуном, граф лукаво ему подмигнул.

– Отец был одомит... – девушка ожгла его щеку губами.

– А как тебя зовут?

– Земфира...

– Красивое имя... – они неожиданно оказались в затемненном углу залы. Женщина уверенно дернула рукой портьеру, и распахнула потаенную дверцу. Внутри было темно, сухо, пахло прелыми цветочными лепестками. Женские руки жадно срывали с него одежду, а губы, такие настойчивые, бесстыдные, ненасытные исследовали каждый сантиметр тела любовника. За тонкой портьерой играла музыка, гремели бокалы, возбужденно смеялись женщины, сдержанно басили мужчины. Громмель ван Остаде ничего этого не слышал. Только глухие, как удары военные барабанов удары сердца, раскаленные губы женщины, и жидкая магма, истекающая из каждой клеточки ее волшебного тела. Потом он кажется кричал. Она тоже кричала. И пришла тишина, покой, и звон в ушах, словно часто машут крыльями неутомимые стручи. Земфира незаметно выскользнула из комнаты. Колдун быстро привел свою одежду в порядок, машинально сунул пальцы под сбившийся на бок шарф, и похолодел. Волоска на месте уключины не было! Как ни в чем не бывало, он вернулся за стол, не дожидаясь виночерпия, налил себе в бокал нектара. Мопс укоризненно покачал круглой головой.

– Надо было меня слушать, родное сердце! – пес негодуяще чихнул, демонстративно пукнул, испортив воздух и отвернулся.

ТОПНАЯ ЧУНЬ.

– Что бы твою шкуру мыши проели, Груздь окаянный! – пронзительно кричал маленький человечек, с ног до головы измазанный липкой зеленой глиной. – Я все расскажу Расстегаю младшему! Тень твою топтать! – на его лбу, под слоем грязи красовалась оранжевая татуировка, дракон пожирающий солнце. Высший знак чуни, приближенной к царскому престолу.

– Я случайно выронил... – бубнил долговязый парень. Он отчаянно косил, и было невозможно понять, куда именно в настоящий момент смотрит. Меся длинными ногами болотную жижу, Груздь опустил руки в воду и проходилась ими как бреднем, загребая потоки тягучей липкой грязи.

– Случайно! – передразнил товарища высокопоставленный чуня. – Ты это потом царю Расстегаю объясни, а я послушаю.

– Ты должен оказать мне дружескую помощь, Сипуч! Мы ведь с тобой товарищи, верно?

Сипуч наудачу провел рукой по дну, поймал трепыхающуюся лягушку, в сердцах отшвырнул ее в сторону, несчастное земноводное ударилось о ствол поваленного дерева, длинные конечности безвольно обмякли, рыжее брюшко в черных пятнышках беззащитно колыхалось на мелководе. Чуня кипел от злости, и не сразу понял, что совершил святотатство.

Груздь посмотрел на издохшее земноводное, взглядом

полным ужаса и боли.

– Что ты наделал, дружище?!

– Черт побери! Я решил, что это комок глины!

– Что ты наделал?!

– Заткнись! – огрызнулся Сипуч. – Это ты виноват! Я тщательно спланировал похищение, царь Расстегай отвалил бы нам неслыханную награду, а ты выронил камень!

– Матушка Сушеница Топяная не прощает убийства жаб. Теперь жди три года несчастий!

– Нас с тобой это не коснется. – криво усмехнулся чуня. Я уже доложил Расстегая младшему о находке. – Ты знаешь, какой вид казни предпочитает его святейшество благородный царь?

– Н-нет...

– Очень хорошо! – грязное лицо осветила яростная ухмылка, кожа на лбу сморщилась, дракон улыбался вместе с человеком. Сипуч хотел отвлечь товарища от мысли про совершенное им только что кощунство, убийство лягушки. – Я тебе расскажу. Мой кузен служил в карательном отряде. Паек хороший, дополнительная одежда, крепкий сон, пара кило мыла в год. Добрая служба. Он мог запросто общаться с царем, во время экзекуции. Приговоренного раздевают донага, погружают в Худую яму, и оставляют там куковать до рассвета... Как тебе это нравится, дружище Груздь?!

Долговязый нахмурился.

– Это та самая Худая яма, за выгребным сараем?

– Хорошо соображаешь!

– Ее выкопали после Второй войны, по царскому приказу...

– Умница!

Груздь зарделся от похвалы товарища.

– Туда раньше помещали пленных ромов. Я приходил смотреть... Кричали они бедные! Те кто посильнее часа четыре кряду страдали. Так и надрывались сердечные... Оно понятно! Выгребная яма кишит пасюками. Твари все огромные, жуть!

– Молодец, Груздь... – Сипуч без сил опустился на сухую кочку. – Ты очень живо описал наше ближайшее будущее, – он сжал голову руками, и раскачивался на месте, словно намереваясь запеть песню.

– Но ведь я случайно его выронил! – отчаянно закричал долговязый. – Он такой маленький, а пальцы у меня вспотели, вот он выскользнул! Я все объясню Расстегаю младшему. Царь должен понять. И покаюсь, что ты убил жабу не нарочно, в сердцах! – он встал на четвереньки полз по болоту, сгребая кочки размокшего мха, прелые листья, истлевшие палки. Ползал взад и вперед, отчаянно всхлипывая. – Я все ему объясню...

– Я бы тень твою топтал... – печально, без злости проговорил чуня. Он провел ладонью по татуировке. Ему было страшно. Он видел, что сделал разгневанный Расстегай со своим камердинером. У того была такая же важная тэту на

лбу, только вместо дракона выколот струч. Высшая иерархия. Кажется, царственный Расстегай заподозрил слугу в краже. Могучего телосложения богатырь, визжал как девочка, когда заплечные снимали кожу с его лба, лишая привилегий. Палачи умело следили за тем, что бы жертва не впадала в спасительную спячку.

– Найдем... – прошепелявил Груздь. Он набрал полный рот грязной воды, и отфыркивался как ондатра. – Я тебя прикрою. Скажу, что ты по ошибке наступил на жабу.

Сипуч задумчиво посмотрел на бледный солнечный диск, затянутый серой пеленой. Слабые лучи и так едва проникали сквозь густой покров листвы, через пару часов наступят сумерки, а еще через три часа их начнут искать. У обоих мужчин слишком заметная внешность. Один – сметливый карлик, другой долговязый косою верзила и конечный идиот. После Второй войны территория Топной Чуни уменьшилась почти вдвое прежней. Высокие плодородные земли забрали себе ромы и одониты, оставив порабощенному народу чуни топи, заполненные священными лягушками и ужами, и русло широкой реки, которая, если верить старожилам, раньше впадала в море. Однако теперь пойма затянулась густой ряской. Чуни вымирают, это факт. Жаб в провинции значительно больше чем людей. Они бесцеремонно проникают в жилища, чуни кормят их молочком рожениц, отбирая у грудничков. В какую форму выльется гнев вспыльчивого Расстегая?! Тут и защита Сушеницы Топяной не поможет, он только что

убил ее любимое детище. Три года несчастий... Старики говорят, что накануне Третьей, самой кровопролитной из войн убивали лягушек. Худая яма – это самое меньшее, что ему грозит! Чуня с ненавистью посмотрел на косого товарища. Тот бормотал что-то неразборчивое, кажется молился, взбивая со дна мутную пену. Благодаря фантастическому замыслу Сипуча Багрового, этот безмозглый образина похитил из-под носа у знатного рома одно из семи чудес света! Похитил, чтобы тотчас оборонить в болоте. Конечно, проще всего было позвать подмогу, но тогда расправа неизбежна, пока никто кроме них двоих не знает о пропаже, но этот олух обязательно проговорится. И про лягушку расскажет... Расстегай младший ждет известия в своем летнем дворце, а они барахтаются в болоте как две безмозглые жабы! Словно в подтверждение его мыслей, Груздь тяжело вздохнул.

– Виноват я перед тобой, дружище, а накажут обоих... Вот она, кровушка сытья!

Он оступился, и едва не угодил в клокочущую трясину. На поверхность поднялись жирные, лопающиеся пузыри, воздух наполнился едким запахом аммиака.

– Ты прям как заправский ассенизатор! – не удержался от ядовитого замечания Сипуч.

– Разыщем... – сопел долговязый, боязливо косясь на трясину.

– Проболтается... – пробормотал себе под нос чуня. – Как пить даст, растреплет!

– Что ты сказал?! – пыхтел косой.

– Ты – молодец! – крикнул Сипуч. Он приподнялся на ноги, во рту появился неприятный привкус, словно он лизал кору старого дерева. – Ступай левее, еще левее...

Груздь послушно приближался к опасной трясине.

– Правильно иду?!

– Точно! Я вспомнил. Ты его аккуратно возле той коряги выронил.

– Там трясина...

– Не буксуй! – стукнул каблуком Сипуч. – Тень твою топтать! Двигай смело налево, если что подстрахую! Положись на меня, дружище! – он быстро протянул тонкую ветвь. – Если что, вытащу Шагни влево, и опусти руку, он точно там лежит...

Опасливо косясь на густую маслянистую пойму, долговзый дурачок медленно приближался к собственной гибели. Чуня услышал, как часто и быстро, взхлеб колотиться его сердце.

– Еще пару шажков...

– Жаль, что нам за работу не запла... – он не успел закончить фразу, порция метана вырвалась на поверхность. Груздь взмахнул руками, и осел в трясину почти по грудь. Он почему то глупо улыбнулся, и замахал руками как заправская мельница, но провалился еще глубже. В считанные секунды он погружался на дно, и вот, на поверхности осталась только лопухая голова, грязная до отвращения, и косые гла-

за, смотрящие в разные стороны, будто в последние мгновения своей жизни, чуня хотел постичь всю мировую картину своим несовершенным разумом.

– Сипуч... – прохрипел он едва слышно. – Сипуч, помоги... – в уголки рта втекала черная вода, он зажмурил глаза, пытаясь впасть в спячку, но не успел. Трясина поглощала свою жертву слишком быстро.

– Чтобы твою шкуру мыши проели... – прошептал Сипуч Багряный, и отвернулся. Некоторое время за спиной бурлила вода, затем все стихло. Чуня обернулся. Мертвая гладь медленно затягивалась зеленой ряской. Над болотами зависла зловещая тишина. Мужчина нагнулся завязать шнурок, и из отворота штанов на землю выпал маленький серый камень. Размером с голубиное яйцо, усыпанный крошечными черными точками. Он приблизил камень к лицу, точки обернулись насекомыми, отдаленно напоминающие муравьев. Они выстроились в цепочку, указывая направление пути. Чуня вдруг ощутил неведомый призыв, будто он знает, куда ему идти и зачем. Он решительно подтянул шнурок, и зашагал по взгорью, в сторону провинции Синих Ромов. С каблуков осыпалась подсыхающая глина, грязные штаны встали колом, Сипуч не обращал на это внимания. Он уверенно шагал вперед. Поднявшись на холм, он прикрыл ладонью глаза от солнца. На бледной коже набухали желваки. Все чуни болезненно воспринимают солнечный свет. Чувствительная кожа тотчас покрывается цветущими карбункулами. Помо-

гает обычное мыло, но оно очень дорого стоит. Далеко внизу раздался угрожающий многоголосый вой, бряцанье оружия. Сипуч обернулся. Из зарослей прибрежной осоки, на холм вырвались вооруженные преследователи. Он даже разглядел царя Расстегая в длинной пурпурной мантии, с серебряной короной на плешивой голове, и жирной татуировкой на лбу – кривая свастика, вписанная в алый круг. На развевающихся зеленых стягах горделиво красовались огненно-красные жабы – символ царской власти.

– Слишком много чести для третьего советника Его Величества, Сипуча Багряного! – покачал головой чуня. Однако, для размышлений не было времени. В воздухе просвистела стрела, будто комар запел душным июльским вечером. Острие вонзилось в землю в десятке метров от беглеца. Камень гудел в кулаке, словно пойманный майский жук. Сипуч разжал кулак, точки сместились, указывая на север. Новая стрела заныла, разрывая тягучую воздушную массу, и впиалась в корневище дерева. За холмом находились земли графства Синего Рома. Вторжение чуней без выдачи визы рассматривалось как объявление войны. Но похоже, разгневанный Расстегай позабыл о Конвенции, подписанной участниками Вотчины по окончании Третьей войны. Вспыльчивый царь настолько увлекся погоней за советником, что готов был нарушить границу. На вершухе холма уже собирались вооруженные ратники ромов.

– Помоги мне, матушка Сушеница Топяная! – прошептал

чуны, и кинулся бежать по холму...

09. 35. 15 ИЮНЯ. Набережная реки Карповки. Дом 12.

Надя лихо притормозила возле подъезда. Она плохо отдавала себе отчет, что делает. И почему вместо того, что бы честь по чести, сдать мальчишку в полицию, привезла его к себе домой?! Может быть, из-за того, что ей недавно исполнилось тридцать два года, она умна, молода и красива, одно голубое платье с умопомрачительными разрезами чего стоит! А детей так и нет... Она уже и не разборчива вовсе... как в том анекдоте. «Готова родить от любого. Семена Марковича не предлагать!» Не получается... С Димкой точно все получится! У него такое яркое мужское начало, сперматозоиды любой презерватив прогрызут! Скоро, очень скоро у них обязательно все сладится. Она видит, какими жадными глазами он на нее смотрит... Сорок лет-для мужчины самый сок!

Мальчик открыл глаза, и спокойно глядел на новую знакомую.

– Ты выспался? – не имея опыта, она разговаривает с ребенком как с дебилом. Скорчила гримасу, будто сладкая мумия на пасхальной открытке!

– Я не спал. – широко распахнутыми глазами он изучал дома, улицы, машины. Мимо с грохотом промчался трамвай, ребенок проводил его восхищенным взглядом.

– Какая красивая телега!

– Это трамвай.

Он втянул воздух носом, отмечая новые запахи, и улыбнулся.

– Почему ты не отвезла меня псам, ведьма?

– Каким еще псам?!

– Так ты называешь полицию. Ты хотела это сделать, я знаю.

Вот тебе раз! Ясновидящий младенец, реинкарнация Ванги и Нострадамуса в облике очаровательного голубоглазого мальчонки!

– Не знаю... – откровенно призналась Надя. – Ты спал, мне не хотелось тебя будить.

– Я не спал. Здесь твоё жилище?

– Да...

– У тебя есть мясо?

– Конечно... – она улыбнулась помимо собственной воли. – Может быть, купить чипсы, или шоколадку?

– Мясо. Я голоден. – он запросто вышел из «тойоты», и как был, в кожаных штанах, с ножнами на поясе уверенно направился к ее подъезду. Субботнее погожее утро, на улицах было немного горожан, но завидев полуголового мальчишка, востроглазая старушка распахнула рот. Надя мысленно выругалась. Она знала эту бабку сплетницу, которая жила в том же подъезде, на два этажа выше. Бледное лицо, в неизменном платочке, делающее ее похожей на страждущую богомолку, маячило в грязном окне круглые сутки. Вечный

часовой, Лидия Семеновна, по кличке «Вдова». Почему ее так прозвали неизвестно, но бабка приняла погоняло с великой радостью. Хотя согласно отзывам ее подруг, муж всю жизнь отработал скромным бухгалтером, и тихо умер своей смертью, а в Гатчине у старушки проживали взрослые внуки. Вдову такая версия не устраивала. Она любила сочинять небылицы о том, что покойный супруг пал смертью храбрых на войне. В хорошую погоду, Семеновна занимала наблюдательный пост на узкой скамеечке, возле дома. А сейчас тусклые слезящиеся глаза вдовы источали неподдельное счастье. Через час новость разнесется по всему двору. А может быть и дальше. Девушка выскочила из машины, и схватила ребенка за руку.

– Ратибор! Ты должен меня слушаться, идет?! И тогда, я не отведу тебя в полицию.

Договорились?

Она крепко сжимала его руку, но мальчик без малейших усилий выдернул кисть.

– Ты говоришь странные слова, ведьма! Обсудим это позже. Я голоден.

Изнемогая от любопытства, старушка насадала на девушку.

– Наденька, доброе утро, милая! Это ваш братик? – дребезжащий голос источал чудную смесь яда и елеса.

– Двоюродный! – трясущимися руками женщина копошилась в сумочке в поисках ключей.

– Зачем ты ей лжешь? – Ратибор недоуменно пожал плечами. – Ведьма не должна унижать себя общением с плебейкой.

– Какой умный мальчик! – ядовито захихикала Семенова.

– Извините! – выдохнула Надя, схватила ключи, нажала кнопку домофона, но опытная сплетница ловко просунула острый локоть в дверной проем, обдав людей запахом нафталина и лежалого тряпья.

– И хорошенький такой! Сам черненький, а глазки голубые. Татарчонок, стало быть?!

– Какая разница?! Позвольте нам войти Лидия Семенова!

– Татарчонок... – не прекращая умильно улыбаться, старушка цепким взглядом скользила по симпатичному личику ребенка. – Сейчас много их не русей этих...

– Почему ты унижаешься?! – удивленно спросил Ратибор. Мальчик сузил голубые глаза, пухлые губы шевельнулись, и быстро прошептал детскую считалку.

– Дважды три, живи-умри!

Срок свой тотчас назови.

Пятью семь, ты стар совсем,

Девять восемь-твой предел!

– Она умрет через шесть месяцев, двадцать шесть дней, одиннадцать часов. Больное сердце, много желчи, зависть

давит на печень. А могла бы жить лет на двенадцать дольше... – он равнодушно отвернулся, и уверенно скрылся в подъезде.

– Извините! – пискнула Надя, оттеснила оторопевшую соседку, и побежала вслед за мальчиком. Ратибор стоял на площадке возле дверей, терпеливо ожидая, пока женщина отомкнет дверь.

– Чертовщина какая! Откуда ты знаешь, где я живу?! – растерянность уступила место злости.

– Я – колдун. Это совсем просто для любого мага. Мой дядя – самый могущественный чародей во Вселенной, но я превзошел его в мастерстве. Странно, что ты – ведьма не знаешь об этом. Открывай дверь, иначе испепелю ее силой своих чар! – он нахмурил густые брови, но тотчас рассмеялся. – Скверно, что ты не понимаешь шуток. К чему тратить волшебную энергию, когда у тебя в сумке лежат ключи!

Надя быстро повернула ключ в замке, посторонилась, пропуская чародея в свою тесную однокомнатную квартирку, и быстро задернула занавески.

– Проходи! Я сейчас напью тебя чаем.

– Мясо. И нектар. Переход в Нижний мир отнимает много сил. – мальчик по хозяйски осмотрел жилище, задержался взглядом на темной старинной иконе в золоченом киоте, украшенном стилизованными виноградными гроздьями.

– Здесь должны быть лавки, в которых торгуют стариной.

– Такого добра навалом! – усмехнулась женщина, прошла

на кухню, достала из холодильника кусок замороженной вырезки, скептически понюхала обертку. Забавный юноша. Его привлекает антиквариат! Она включила газовую конфорку, поставила сковороду на огонь. Ратибор объявился в дверях.

– Для ведьмы ты скромно живешь. Ромы предпочитают роскошь, одомиты – аскету.

– Похоже я – одомит! – улыбнулась Надя, и плеснула растительного масла.

Ратибор громко расхохотался. Терпкий аромат жасмина следовал за ребенком по пятам.

– Хорошая шутка! Но это вызывает уважение. Скромность быта укрепляет дух колдуна, – он извлек из ножен обоюдоострый клинок, отрезал кусок замороженной говядины, и отправил его себе рот. – Это плохо, что вы едите несвежее мясо. Зверь должен быть убит за час до трапезы, иначе его кровь теряет силу. И обязательно в добром расположении духа. В плоти испуганной добычи живут злые духи. Они могут войти через рот, и испортить здоровье, – он проглотил кусок мороженой вырезки так, словно это было крем-брюле, и отмахнул себе еще кусок.

– Принеси нектар, ведьма!

– Вообще меня зовут Надя... – она запнулась. – Надежда Петровна!

– Мне нужен нектар, ведьма! – спокойно повторил мальчик, словно он разговаривал с умалишенной.

Женщина пожала плечами, извлекла из холодильника

банку пепси – колы, водрузила ее на стол. Ратибор сделал глоток, и выплюнул содержимое на пол и одобряюще улыбнулся.

– Еще одна неплохая шутка! Ты – молодец. Добрые шутки сочиняют бастарды... А теперь принеси настоящий нектар, пусть даже скверного разлива, – указывал на початую бутылку коньяка, стоящую в баре.

Надя возмущенно хлопнула ладонью по столу.

– Достаточно того, что я привела этого Маугли в квартиру, и кормлю его сырым мясом! Я работаю в органах, и не потерплю ребенка алкоголика в своем доме! – ее щеки пылали, глаза горели яростным огнем.

– Твой гнев типичен для ведьмы. Это хорошо, злоба помогает в битве. Одомиты считают, что из ведьм получают самые лучшие жены! – снисходительно кивнул Ратибор, шагнул к бару, достал бутылку. Надя вцепилась в его руку, но с таким же успехом, можно было ломать железный прут. Тонкая кисть ребенка была тверже стали. Не обращая внимания на отчаянное сопротивление, мальчик налил в фаянсовую кружку коньяка, и осушил почти половину.

«Вот сейчас ему и придет конец!» – отчаянно подумала женщина, и без сил опустилась на табурет.

– Ты тратишь слишком много чудесной энергии впустую! – заметил колдун, плеснул себе еще коньяка, и отмахнул кинжалом кусок мяса. Он выпил, впился острыми зубами в розовую мякоть, по смуглым щекам текли струйки кро-

ви. – Блестящий нектар!

– Конечно! – едко ответила Надя. – Французский коньяк! – Ей казалось, что все происходящее сон, и она сейчас очнется от забытья. У нее на глазах десятилетний ребенок осушил не менее двухсот граммов сорокаградусного коньяка, жует сырое мясо, как «сникерс», и не выказывает даже признаком опьянения! Она на всякий случай, капнула себе в чашку из-под кофе содержимое бутылки, пригубила и сморщилась. Стопроцентный коньяк! Ратибор расценил сей жест по-своему.

– Совсем недурной нектар! Ромы варят хороший нектар из розовых лепестков, но в нем нет той крепости и дурмана, что в твоём напитке. Недурен нектар из смоквы, ромы держат рецепт в тайне. Если это твоё зелье, ты можешь заработать неплохие деньги! Только следует вначале оформить патент, а то рецепт украдут чуни или бастарды. Они мастаки на такие штуки.

От выпитых пятидесяти грамм девушка повеселела. Она вообще была авантюрна по складу характера, что подчас не укладывалось с сухой должностью судебного медэксперта, и нынешнее приключение вызвало ощущение бродяжьей цыганской тоски и шального, сумасбродного веселья. Предвкушение волшебства...

– Ты пошутил насчет даты смерти Лидии Семеновны? – она налила себе еще немного коньяка.

– Такими вещами не принято шутить. – серьезно ответил

мальчик. – Смерть – самое важное событие в человеческой жизни. Смерть никто не мог избежать кроме избранных горцев. Старуха – плохой человек, но и она заслуживает знать свою дату, – он допил коньяк, не выказывая даже признаков опьянения, доел мясо, сунул кинжал в ножны. – У нас мало времени. Мне надо встретиться со Странником, и посетить лавки, в которых продают старину.

– О каком Страннике ты ведешь речь?

– Странник. Рыцарь, – терпеливо повторил мальчик. – Среди обычных людей из Нижнего мира, они рождаются раз в несколько сотен лет. Ваша история насчитывает множество таких персон. Гай Юлий, Спартак, король Артур, король Ричард, Атилла, Темучин, Святослав Игоревич, Влад Цепеш, Евпатий Коловрат, Данила Менялич, Дзигаро Кану, герр Шикльгрубер...

– Стой! – взмолилась Надя. – Откуда ты знаешь имена всех этих людей?! И какого рожна среди них затесался Гитлер?

– Странно, что ты их не знаешь. – язвительно заметил мальчик, разлил остатки коньяка по бокалам, залихватски выпил, и доел остатки вырезки. – Странник не всегда положительный герой, но это люди способные менять ход истории. Впрочем, ведьме необязательно ее знать, если она владеет своим ремеслом. Нектар ты варишь знатный! – он с сожалением посмотрел на пустую кружку.

– Черт меня раздери, но я начинаю тебе верить... – девуш-

ка пригубила коричневую жидкость. Десятилетний пацан за четверть часа уговорил четыреста граммов коньяка, и не в одном глазу! Разве что стал чуть разговорчивее. Такое редкому взрослому мужику под силу! И едва ли в начальных классах учат тому, что настоящее имя Чингиз хана было Темучин. И еще эта удивительная физическая сила у худенького паренька! – Как зовут нынешнего Странника?

– Дмитрий. Дмитрий Рослов.

Женщине показалось, что стол покачнулся, и комната поплыла перед глазами.

– Я... Я знаю одного парня с таким именем!

– Это он. – Ратибор сладко потянулся и зевнул, обнажив крепкие зубы.

«У него коренные зубы»! – быстро заметила Надежда Петровна. «В его возрасте обычно только формируются резцы. Отличного качества, структура костной ткани соответствует здоровому двадцатилетнему юноше». По своей профессии она пересмотрела тысячи распахнутых зевов, для умелого эксперта, челюсть человека все равно, что открытая книга. По зубам даже можно косвенно предполагать наличие скрытых заболеваний. Мальчик всего лишь на секунду распахнул рот, но она успела заметить по две пары дополнительных коренных моляров. У малыша из леса тридцать шесть зубов! Есть отчего потерять голову!

На улице с грохотом прокатился трамвай. Ратибор подбежал к окну, распахнул занавеску, в голубых глазах светилось

детское восхищение.

– А мы прокатимся потом на этой тележке? – он смущенно улыбнулся, хорошенький черноволосый мальчик с трогательными ямочками на щеках.

– Обязательно! Ты – удивительный... – она с трудом подбирала слова. – Ты – удивительный маг, Ратибор!

– Слово в радость!

– Ты можешь рассказать подробнее, в чем заключена миссия моего друга Рослова, что такое Нижний мир, и как ты попал сюда?!

– Очень много вопросов, а старуха уже вызвала псов, – он небрежно кивнул в окно.

Надя выглянула в окно. Возле подъезда толпилось полдюжины любопытных граждан. В центре, как заправский проповедник вещала вдова. Две полицейские машины перегородили улицу, толстый офицер невнимательно слушал наседающую Семеновну, его взгляд рассеяно скользил по окнам. Женщина отпрянула. Она успела заметить двух огромных псов, преспокойно сидящих на газоне. Собаки внимательно разглядывали полицейских, не выказывая признаков беспокойства. Надя пристально посмотрела на мальчика.

– Это твои собаки?

– Бурбуль и Латона. Непослушные сорванцы. Я им велел ожидать моего возвращения в лесу. Офицер решительно шагнул в подъезд.

– Они не имеют права заходить в квартиру без санкции

прокурора, – уверенно сказала Надя. – Хотя безумная старуха могла наплести ему всякий вздор.

Ратибор равнодушно пожал плечами.

– Как я могу встретиться со Странником?

– Ты не поверишь, но Рослов работает в органах!

– Удача! Тогда я пойду вместе с псами, а ты приведешь его ко мне. Все Странники обладают защитой, их не всегда легко обнаружить, как я нашел тебя. Но не следует медлить. Тощий Ром замышляет нечто дурное, я это чувствую. Ворота Домны уже открыты, с минуты на минуту придут Гальфрид и Земфира. Опасные и умные наймиты, Земфира умеет читать мысли, недурная колдунья, а рыцарь – отличный воин. Они будут искать Камень Света и Летопись.

В дверь требовательно зазвонили. Только полицейские пальцы умеют извлекать из мелодичного звонка, такие режущие слух пронзительные звуки! Надя кинула на входную дверь быстрый взгляд. Если она не откроет дверь немедленно, возникнут лишние вопросы. Что делает одинокая взрослая женщина в пустынной квартире наедине с полуголым мальчиком, от которого разит цветочными духами и коньяком?! Не дай Бог расползтись таким слухам по дому!

– Прости, Ратибор! Я ни слова не поняла из того, что ты говоришь! Почему-то мне кажется, что ты не сочиняешь, но вся эта история с колдунами и рыцарями похожа на первоапрельский розыгрыш. Наверное, я совершила ошибку, что сразу же не отвезла тебя в полицию. Но мне придется от-

крыть...

– Как можно быстрее, приведи Странника! – резко перебил ее мальчик. Голубые глаза источали властную силу, от взгляда ребенка кружилась голова, и путались мысли. В дверь позвонили вторично, сквозь тонкую переборку послышался кислый старушечий голос.

– Они точно там! Мальчонка совсем голенький... И хорошенький как куколка!

– Старая сволочь! – прошипела Надя, и стала действительно похожа на взбешенную очаровательную белокурую ведьму. – Извини, Ратибор... – она подошла к дверям, и щелкнула задвижкой ригельного замка.

ВОТЧИНА ОДОМИТОВ. ЗАМОК «СЕРАЯ ЛУНЬ». СОВЕТ.

Над башнями развевались парадные флаги. Желтые в крупную клетку, похожие на шахматную доску полотна. Алые, с голубой свастикой, вписанной в круг, и черные, обрамленные оттисками дубовых ветвей, увязанных в тугие венки. Древки знамен венчают оскаленные волчьи головы, по краям штандартов перевернутая свастика. Стены замка сложены из массивных грубо отесанных камней, скальной породы, в узких как бойницы окошках, невидимые глазу притаились лучники. Заскрипели тугие цепи, опустился мост, над глубоким высохшим рвом. Железные ворота распахнулись, пропуская вовнутрь кавалькаду тяжелых рыца-

рей. На пути воинов замешкались несколько бродяг бастардов, они брызнули в разные стороны, а одноглазый парень, сдвинул на затылок шляпу, с облезлым гусиным пером, и выбивал чечетку на пути солдат.

– Айн-цвай шагом марш!
Боевой идет отряд.
Драй-фир, поскорей,
Прячь деньжата, брадобрей!

Песенка содержала явный намек на бритых ромов, а также случаи мародерства и грабежа за время минувших войн, но уставшие солдаты весело гоготали, а лейтенант швырнул на дорогу горсть мелких серебряных монет. Бастард лихо снял шляпу, отвесив поклон, небрежно собрал монеты, коверкая слоги, прокричал вслед воинам.

– Бей поганых мугавьев! Режь стручей, глуши хрящей!

Ворота закрылись, лучник в шутку навел ствол арбалета на кривляку одноглазого, но тот показал солдату неприличный жест, и преспокойно нырнул под мост.

На территории замка солдат встретили слуги. Они помогли воинам освободиться от тяжелых доспехов, молчаливые девушки разносили нектар. Бритый наголо человек снял серебряный шлем, и вытер со лба капли пота. Он с удовольствием принял хрустальный кубок, наполненный пахучей жидкостью, выпил содержимое до дна, стряхнул капли на сухую землю, и только после этого поднял сжатый кулак в

приветствии.

– Честь мудрому Совету одомитов! – мужчина с размаху уселся на скамью, которая жалобно заскрипела под тяжестью его массивного тела.

Над балконом был натянут полотняной тент, укрывающий сидящих людей от палящего солнца. Смуглый седой человек, одетый в кожаную безрукавку, оставляющую открытыми мускулистые плечи, покрытые сетью голубой татуировки, вскинул сомкнутый кулак.

– Честь воину! Рады твоему благополучному возвращению, гауптман Кассель! Ты немедленно доложишь Совету о результатах похода, или требуется время для отдыха?

– К чему время тянуть? – человек без стеснения зевнул, обнажив серебристые накладки на передних зубах. – Пусть мои люди отдохнут, а я к вашим услугам уважаемые доны.

– Совет не возражает!

Кассель кивнул молодому лейтенанту, тот отдал короткую команду, солдаты, не заставив себя просить дважды, быстро направились в ближайшую таверну. И уже через пару минут оттуда раздался шум драки, женский крик, звон разбитого стекла.

– Прошу извинить моих людей, оберст-генерал! – усмехнулся гауптман. – Три недели, проведенные в пустыне, слегка расшатали им нервы.

Седой мужчина равнодушно махнул рукой.

– Несколько выбитых зубов, и пара изнасилованных шлюх

не имеют значения, по сравнению с теми задачами, что стоят перед народом одомитов! Не так ли, уважаемые члены Совета?

Коренастый верзила с шапкой льняных волос на маленькой голове кивнул.

– Ты совершенно прав, Эрген Сладкоречивый! Нам важно знать итоги твоего похода, Кассель. Меня смущает лишь то обстоятельство, что с нами нет дона Громмеля. Это великий колдун, не так ли?!

Остальные члены Совета одобрительно зашумели.

– Без Громмеля нельзя принимать решение!

– Он не только великий колдун, но ходят слухи, что за просто общается с горцами!

– Все слухи создают неполноценные бастарды и полукровки!

– Черт с ним! – верзила поднял ладонь в знак примирения. – Но ведь никто не мешает нам выслушать гауптмана? Он проделал нелегкий путь!

Кассель равнодушно наблюдал за перепалкой. Он даже сплюнул сквозь плотно сжатые зубы на землю, и растер подошвой сандалии грязную пыль, как бы демонстрируя почтенному Совету свое пренебрежительное отношение к этой бабьей склоке. На загорелом плече зияли свежие, затянувшиеся розовой кожицей раны – в пустыне он своей грудью закрыл молодого солдата от когтей здорового арахнида. Острыми лапками чудовище порвало его плоть в том са-

мом месте, где чернела старая татуировка – две острые молнии, набитая еще в юношеские годы. Теперь рана затянулась, а тэту походила на бестолковые темные полосы.

Эрген Сладкоречивый вскинул кулак в приветствии, споры мгновенно стихли.

– Я считаю, что неуважением будет заставить ждать нашего храброго гауптмана! – он почтительно наклонил голову, скрывая недовольную гримасу. Генерал побаивался бесстрашного полководца, тот был весьма популярен в армии, и позволял себе нарушать этикет. – Прошу тебя, Кассель! Говори!

Мужчина прокашлялся, огладил ладонью гладко бритую голову.

– Дело швах. Многолетнее перемирие с муравьями нарушено. Не могу понять, в чем подвох, кажется, бастарды убили королевского сына. Стручи не при делах, ромы даже нанимают их на работу. Но если муравьи начнут войну, стручи и арахниды присоединятся к ним. Это наверняка. На моего солдатика уже напал один такой... Пришлось его прикончить. Тогда они повывлезали из всех щелей, двоих одомитов мне не удалось сберечь. Все бы там полегли, кабы не муравьи. Король Валтасар дал нам возможность уйти, но с одним условием... – Кассель замолчал. К нему тотчас подбежала черноволосая стройная девушка, поднесла бокал с нектаром. Он долго, словно издеваясь над слушающими людьми, цедил напиток. Из таверны донесся громкоголосый хохот,

женский стон. Девушка испуганно покосилась на распахнутую дверь. Мужчина допил напиток, провел широкой ладонью по обнаженной спине прислужнице.

– Ты полукровка?

– Отец одомит, мать рома... – девушка скромно опустила густые ресницы.

– Ромы – лучшие любовники. Докажешь это делом. Через час приходи ко мне. Если солдаты пристанут, скажешь, что ты – моя женщина. Поняла?!

– Поняла. – девушка быстро удалилась.

Члены Совета напряженно смотрели на офицера. Эрген скрипнул зубами с такой силой, что в воцарившейся тишине был слышен хруст металлических протезов. Больше всего на свете он мечтал заживо отрезать уши этому заносчивому герою, и скормить их собакам у него же на глазах!

– Ты готов продолжать, Кассель? – долгие годы правление научили Председателя Совета сдерживать свои эмоции. Несмотря на прохладный ветерок, тело под кожаной безрукавкой покрылось потом.

– Готов... – небрежно поднял кулак офицер. Боевое приветствие одомитов больше походило на приятельский жест.

– Какого дьявола бастардам убивать принца?! Насколько мне известно, унтерменши дружат с насекомыми...

– Понятия не имею. Труп был обнаружен неподалеку от их пещер.

– Может быть, это сделали сыпучие хрящи? – вмешался

востроносый дедушка в военном френче, обильно украшенным золотыми аксельбантами.

– Хрящи не владеют оружием. Принцу отсекли голову, убийцы забрали золотую корону.

– Точно унтерменши! – вскричал дед. – Бастарды падки на дешевое золото.

– Маловероятно... – зевнул гапутман. – Они были друзьями, принц и так помогал этим выродкам. Глупо рубить сук, на котором сидишь!

– О каком условии вел речь король Валтасар? – спросил Эрген.

– Камни, – спокойно ответил Кассель. – Он хочет получить назад реликвии.

– Камни Света?! – ахнул белобрысый здоровяк.

– Ты чрезвычайно догадлив, мудрый Шняка! – едко усмехнулся воин.

– Интересно знать, как этот тупой вояка общался с разумными насекомыми? – шепнул соседу толстяк в военной фуражке, со взбитой тульей. Человек говорил совсем тихо, но Кассель его услышал. Он равнодушно пожал плечами.

– Валтасару не нужны слова для общения, уважаемый дон Борман! Муравьи неплохо общаются при помощи телепатии, это следует знать члену Совета!

Дон Борман нервно поправил свою фуражку, мясистое рябое лицо залила густая краска.

– Но как же это можно сделать?! – тонким голосом вскри-

чал Шняка. – Муравьи пожертвовали людям Камни Света тысячи лет тому назад!

– И на кой черт им нужны Камни?! – прогудел некто жирный, обильно волосатый, с серебряным ошейником на загривке.

– Понятия не имею... – лениво процедил гауптман. Это компания пустобрехов начинала действовать на нервы боевому офицеру. – Король дал срок, два года на возвращение камней.

– Ну, это еще не скоро! – легкомысленно отмахнулся дон Борман.

– Как сказать! Муравьи не признают наше летосчисление. Два года по их меркам это что-то около пяти дней.

– Но ведь раньше их устраивало то, что Камни хранятся у нас?! – воскликнул Эрген.

– Раньше никто не убивал королевского сына, я полагаю! – нагло посмотрел в лицо генералу Кассель.

– А про Ворота Домны король ничего не говорил?

– Нет. Только про Камни.

Члены Совета голосили, перебивая друг друга.

– Надо отдать! – верещал Шняка. – Отдадим, и дело с концом. А потом коварно нападём, и перебьем всю тварь!

– К черту! Я их тень топтал! – гудел волосатый. – Соберем дружину, разобьем это песье племя! И следа не останется.

– Хотел бы на это посмотреть! – брызгал слюной высохший старик, потрясая орденскими планками на лацкане мун-

дира. – Согласно последнему счету, в пустыне проживает около семи миллионов муравьев. Может быть даже больше. Многокилометровая сеть подземных ходов связывает их норы. Это – ночные обитатели. Средняя особь весит около сорока килограмм, добавьте к этому скорость перемещения, ядовитые челюсти, феноменальную силу, интеллект, и безукоризненную дисциплину. К тому же на их стороне окажутся стручи и арахиды. Боюсь, это будет не война, а избиение людей, великоречивые доны!

– Отдать камни! – вопил Шняка, пытаясь перекрыть остальных членов Совета. – Отдать! Отдать!!! А после, отомстить!

– Легко сказать «отдать»! – задиристо парировал старичок. – Следуя утерянной Летописи, Камней Света было всего семь штук. Два из них по сей день хранятся у нас, так? – он кинул вопросительный взгляд на обрест-генерала. Тот молча кивнул головой.

– Итак – два! – старик загнул мизинец и безымянный палец на морщинистой ладони. – Дальше-Насколько мне известно, два амулета находятся у ромов. Таково было условие Валтасара, мы не нарушали его во время войн. Четыре. Опять-таки, если верить Летописи, один камень навечно отдан горцам, и здесь возникает вопрос. Согласятся ли горцы отдать свой Камень? Допустим, отдадут. Судьба еще одной реликвии более или менее прозрачна, наш знаменитый Громмель отдал Камень своему племяннику. Бастарды тре-

пались, что мальчишка вырос в величайшего колдуна всех времен и народов. Попробуйте отобрать вещь у искусного мага, коли он этого не хочет! И тем не менее, судьба последнего Камня остается неизвестной.

– Дон Славич говорит дело! – подал голос Кассель. Он с симпатией посмотрел на старика. – Я на всякий случай спросил у короля, можно ли отдать амулеты по частям.

– Ну и что он ответил?! – порывисто спросил Шняка.

– Или все, или война.

– Тень их топтать! Вот вам и ответ! – взревел волосатый одомит. – Сытья кровь! Война, тысячу раз война!!!

– Война говоришь... – задумчиво произнес гауптман. – По мне мысль неплохая, люблю мечом помахать на досуге, кровушку разогнать, но дон Славич прав. Сколько одоимитов мы поставим под ружье за пять дней? – он повернулся к Эргену.

– Малый срок... Думаю тысяч десять– двенадцать не больше.

– Немного! – усмехнулся Кассель.

– А ромы, чуни, бастарды в конце концов! Дело то общее! – кипятился толстяк.

– Не заводись, Хряк. Ромы и чуни – никудышные вояки, унтерменши воевать не станут, они симпатизируют Валтасару. Нынешним утром Расстегай со своими героями пересек границу графства.

– Какого черта?! – воскликнул генерал.

– Подробности неизвестны. Но кажется, у них уже перестрелка началась. Самое время туда послать отряд наемников, усмирять диких недоумков.

– Ну и что ты думаешь, Кассель?

Гапутман задумчиво посмотрел на пышущее жаром багровое солнце. Огненные лучи растекались по земле, плавился песок, в воздухе плыли цветные миражи. Жаркое нынче лето в Зеленой Стране, очень жаркое... Обезумевшие от такого пекла одомиты станут легкой добычей проворных, закованных в жесткие панцири, находчивых муравьев. Выхода нет... Он вытер со лба струящийся липкий пот.

– Думаю, следует для начала поговорить с Громмелем. И встретиться, наконец с его знаменитым племянником. Что-то в этом деле нечисто. Сначала бастарды якобы убивают королевского сына, одновременно с этим выясняется, что мальчишка – великий колдун, и одна из реликвий Вотчины одомитов болтается у него на шее как дешевый кулон из поддельного серебра. И что его связывает с Тощим Ромом?! Насколько мне известно, мальчик пропадал в графстве целыми днями!

– Ворота Домны находятся в замке графа, – многозначительно произнес дон Славич.

– Очень странно... По моим агентурным данным, Тощий Ром готовил вылазку в Нижний Мир. Пройти через Ворота Домны – дело непростое, но у него есть подручные, умелые наймиты. С двумя из них я знаком. Мой бывший офицер

Гальфрид, отличный воин, смелый человек, хотя несколько безрассудный, и некая полукровка Земфира. Загадочная дамочка... Представляется внучатой чуней, или одомиткой, никто ничего толком про нее не знает. Долго жила среди родов, постигала искусство любви и оболыщения. Говорят, мастерица в сем искусстве, – мужчина криво усмехнулся. – Бастарды трепались, что она якобы совратила Расстегая младшего, а он известный содомит. Как увязать эту шараду, пока не пойму, вы – Высший Совет одомитов, вот и размышляйте. Мое дело – кишки пускать, но чутье подсказывает, что надобно искать мальчишку. – Кассель тяжело поднялся, к нему тотчас подбежала девушка. Длинные черные локоны струились по плечам, скрывая маленькую грудь красавицы.

– Честь Совету! – гауптман вскинул сомкнутый кулак. – Прошу прощения у великоречивых донов, но я позволю себе отдохнуть.

– Честь воину! Честь воину! – члены Совета одомитов взмахивали кулаками.

Солнце стояло в зените, высокие стены замка отбрасывали узкую тень, в ней ютились ядовитые павлины, вперемишку с оборванной чернью. Одомиты презрительно относились к роскоши, довольствуясь в повседневной жизни простой одеждой и сырым мясом. Война была смыслом их существования, а мужчины уже давненько не обнажали свои мечи! Голые детишки в кровь бились деревянными мечами, под одобрительными восклицаниями родителей. Эрген об-

вел печальным взором стены замка. Таковую крепость муравьям не преодолеть. Стручей перебыют лучники, но долгую осаду замок не выдержит. Через месяц кончатся запасы, а насекомые умеют ждать. Зеленая Страна большая, основное число жителей проживает в обычных домах. Кассель прав. Ситуация плевая. Он глубоко вздохнул, залпом выпил нектар поднесенный слугой чуней, и в сердцах ударил неуклюжего парня кулаком в нос.

– Шевелись проворней, выродок болотный!

Человек пошатнулся, вытер ладонью кровь, поклонился, и пятясь задом вышел в низенькую дверцу. На бледном лице вздувались отвратительные фурункулы, в глазах горела плохо скрываемая ненависть.

«Черта с два мы их покорили!» – подумал генерал, и повернулся к членам Совета.

– Слушаю ваши мысли, уважаемые доны!

Он положил мускулистые руки на парапет балкона, опустил голову, и закрыл глаза. На морщинистых веках была выбита микроскопическая тэту. Готическими буквами умело написано «ЭРГЕН СПИТ.» Хотя с тех пор, как гауптман Кассель отправился в пустыню, генерала мучила бессонница...

ГРАФСТВО СИНИЙ РОМ.

В парадный зал быстрым шагом вошел запыхавшийся ром. На его груди сверкали латы, в руке он сжимал обнаженный меч. Громмель попытался угадать намерения человека,

но перед мысленным взором колдуна мелькали пестрые тени. Чертовка вытянула из него немало магических сил! Последний раз маг занимался любовью несколько месяцев назад, вот тебе раз! Попался на крючок как любопытная рыбешка! Сейчас самое время забраться в холодную пещеру, каких немало на окарине Зеленой Страны, близ Розовой Горы, поставить на стражу верного Шнопса, отгонять назойливых бастардов, и пару суток поголодать, восстановить утраченные силы! С таким потенциалом ему не следует даже подступаться к этому щенку Ратибору! Разотрет в пыль! Мальчишка чрезвычайно силен! Он скрипнул зубами в бессильной ярости, и залпом осушил бокал с нектаром. Земфира как сквозь землю провалилась. Он незаметно для окружающих засунул пальцы под шарф, нащупал липкую жижу, поднес к лицу. Воск! Ну и ловкая бестия! Жаль, что такая умелая девица не на его стороне...

– Что нужно этому рому, Лука?!

Мопс сменил гнев на милость, повернулся к хозяину.

– Опасности для тебя пока нет, родное сердце. Наоборот. Из создавшейся ситуации, можно извлечь для нас выгоду. – он тихо рассмеялся.

Тощий Ром взмахом руки остановил музыкантов, оттолкнул белокурую девушку, обернулся к воину.

– В чем дело, солдат?! Разве ты не видишь, что я принимаю дорогого гостя?

Человек неуверенно оглянулся на Громмеля, и неуверенно

но топтался на месте, как сыпучий хрящ перед боем.

– Можешь говорить. У меня нет тайн от великоречивого дона!

– Слушаюсь! Только что границы графства перешел король Расстегай младший, со своей дружиной!

– Что за бред! У него нет визы!

– Это правда, уважаемый дон! Наши лучники уже открыли предупредительную стрельбу, но чуни не отступают!

– Круп в дышло этому безумцу! – вскричал граф. Выбритый череп побагровел. Он вцепился в рукоять своего меча, обернулся к гостю.

– Ты не возражаешь, уважаемый дон, если я покину тебя на некоторое время?

– С удовольствием проследую с тобой, Тощий Ром! Как я понимаю, дело касается всей Вотчины.

– Отлично! Идем вместе!

Граф махнул рукой, приказывая челядь расходиться, и быстро карабкался по винтовой лестнице на смотровую башню. Громмель напоследок быстрым взглядом осмотрел парадный зал. Девушка так и не объявилась.

«Очень хорошо, что этот соглядатай будет присутствовать! Не будет повода для разговоров среди членов Совета!» – думал ром. Он тяжело дышал, преодолевая высокие ступени.

Идущий впереди солдатторопливо докладывал обстановку.

– Вначале стражники увидели одинокого чуню. Он пересек границу своих болот, но направлялся в горы. Чуни неловкие, а это бежал весьма проворно.

– Какого дьявола чуне делать в горах?!

– Не могу знать! Мы пропустили его.

– Почему?!

– Офицер решил, что у того открыта виза, слишком уж уверенно он бежал. А потом из болот объявился Расстегай со своими воинами. Они были настолько увлечены преследованием, что даже не обратили внимания, на команды сигнальщика!

– Все не ладно в королевстве ромов! – усмехнулся Громель. Он шагал по ступеням, за его спиной хрипел мопс. Неуклюжей собаке было трудно преодолевать высокие ступени, колдун хотел взять партнера на руки, тот протестующе зарычал. Лука терпеть не мог панибратства. Он безошибочно угадывал заговоры и интриги недругов. В процессе войн ловкие политиканы научились умело скрывать свои коварные замыслы, но безошибочное чутье пса чуяло заговор даже там, где его не было.

Тощий Ром промолчал. Мужчины вышли на смотровую площадку. Здесь собрались полтора десятка лучников, и офицер в красной тоге. Колдун смерил его презрительным взглядом, но промолчал. Ромы настолько ценили красоту, что этот павлин разрядился в яркие одежды, стоя на открытой площадке. Умелый одомит вооруженный арбалетом сни-

мет такую чудесную мишень одним выстрелом за три сотни шагов!

– Прощу! – офицер поклонился гостям, не выказав удивления присутствию колдуна, и выдал мужчинам увеличительные окуляры. Громмель прижал к глазам стекла.

– Что там такое? – нетерпеливо пробурчал Лука. – Опасности я не чую, но любопытно знать.

– Пока не могу понять... – процедил сквозь зубы маг.

Сквозь призмы король Расстегай был виден как на ладони. Пунцовая мантия, отороченная белым мехом ондатры, серебряная корона венчает плешивую голову, жирная свастика выбита на лбу, царственные сапожки измазаны болотной жижей. Он сжимает трехпалой рукой дурацкий скипетр, порочное лицо стареющего юноши искажено злобной гримасой. Отряд числом триста чуней карабкается по пригорку. Воины вооружены острыми посохами, у некоторых имеются самопальные арбалеты, явно изготовленные халтурщиками бастардами, длинные кривые ножи за поясом. На лицах вздуты багровые шишаки. Сброд... Ромы аккуратно стреляют поверх голов, стрелы мелькают в воздухе, не причиняя чуням вреда. Сигнальщик отчаянно машет своими флажками, но Расстегай даже не сморит в его сторону. Взгляд короля прикован к удаляющемуся человеку. Громмель перевел окуляры. По склону холма бежит маленький человек, его лицо и одежда измазаны синей глиной, по лицу струятся ручьи пота. Над его головой летят стрелы, но он не обра-

щает на них внимания. Взгляд прикован к снежным пикам, возвышающимся на востоке. Чуня сжимает в руке какой-то предмет. Колдун на секунду закрыл глаза, сконцентрировался, силы постепенно восстанавливались. Он совершенно явно увидел, что именно прячет в кулаке беглец.

– Тень твою топтать... – процедил сквозь зубы Громмель.

– Я еще могу его убрать! – прошептал лучник. Он закусил губу, сжимая натянутую тетиву.

Тощий Ром вопросительно посмотрел на одомита.

– Не надо... – колдун отрицательно покачал головой. – Расстегай не догонит этого парня, а в предгорьях его сожрут хрящи. Их там кишмя кишит. Советую выйти навстречу королю. Черт с ними с этими формальностями! Прими его в своем замке без визы, постарайся разговорить. Я не хочу быть замешанным в этом деле. А пока мне надо кое-что спросить тебя наедине, граф! – он покинул смотровую площадку. Тощий Ром поспешно следовал за одомитом.

Оказавшись в зале, Громмель резко повернулся к человеку.

– Сколько Камней Света хранится у ромов?!

Граф недоуменно захлопал ресницами.

– Как положено. Два Камня...

– На сей раз говорит правду, как не странно, – объявил мудрый пес.

– Немедленно проверь! – отрывисто скомандовал маг.

Ром быстро пересек залу, над его головой завис назойли-

вый струч, тонкие крылья месили теплый воздух.

– Не нужна ли моя помощь, великоречивый дон? – стрекотало насекомое. Стручи оказались легко восприимчивы к людской речи, и зачастую болтали без умолку.

– Отвяжись! – граф раздраженно махнул рукой, струч обиженно махнул трубчатым хвостом и улетел. Мужчина отодвинул серебряный барельеф, зашел в тесное хранилище, кинул на одомита косой взгляд, распахнул потайную дверцу. На темной бархотке красовался одинокий серый камешек. Овальной формы, с черными точками по периметру.

– Вот сытъя кровь... – растерянно протянул Тощий Ром. – Всего один!

– Кто знал про тайник?! – Громмель подался вперед всем телом, как охотничья собака, учуявшая легкую добычу.

– Многие... Кому нужно это барахло?! Настоящие ценности я храню в другом месте!

– Ясно. Этот камень я заберу от греха подальше! – он протянул руку к тайнику, но граф неожиданно встал на пути колдуна.

– Для этого требуется решение Совета! – он тяжело дышал в лицо одомита, источая кислый запах непереваренного мяса и нектара.

– Считай, что оно у тебя уже есть, уважаемый дон! – колдун решительно забрал Камень, небрежно спрятал его в складках одежды. – Спешу откланяться! Оленина была превосходна, и девушка весьма мила, – он криво усмехнулся, и

зашагал к выходу. Мопс бежал следом, оглядываясь, и корча графу забавные рожицы.

– Слово в радость... – процедил ром вслед гостям. Он подождал, пока гулкие шаги одомита стихнут за воротами, и лишь после этого тихонько просвистел. Плотная ширма отодвинулась, изнутри вышли молодой мужчина и черноволосая Земфира.

– Старик забрал камень? – бесцеремонно спросила девушка.

– Черт с ним. Летопись важнее, Громмелю она не нужна, как мне показалось.

– Отлично! – кивнул мужчина. – Когда отправляться?

– Немедленно. И чем скорее, тем лучше. – граф протянул руку, девушка небрежно сунула восковой оттиск от ключины замка.

– Это было нетрудно... – усмехнулась она, проведя руками по кудрям, цвета вороненного крыла. – Старикашка совсем голову потерял.

– Шлюха! – пробурчал мужчина.

– Не будь ревнивым, Гальфрид! – красавица прикусила рыцаря за мочку уха.

– Хватит нежностей! – отрезал Тощий Ром. – Осталось только проверить, насколько бессмертен старый колдун. Но всему свое время. Этот выживший из ума олух гоняется по Зеленой Стране за Камнями, но в них нет силы, коли они разрозненны. Это даже неплохо, если шесть талисманов

соберутся в одних руках. Настоящим хозяином положения окажется владелец седьмого Камня. Мальчишка уже проник в Нижний Мир, вместе со своими псами. Если он приведет сюда Странника, дело швах. Но я недаром брал у паренька уроки магии, звереныш чертовски талантлив, но доверчив как щенок. Было непросто ввести в заблуждение его дядю, но он настолько увлечен поисками своих амулетов, что среди кустов деревьев не видит. Кинем ему еще одну кость. Летопись Чертополоха гласит, что один из Камней находится в Нижнем Мире. Неплохо было бы его разыскать. Валтасар дал одомитам пять дней срока, этот умник шутить не любит. Весело будет наблюдать, как муравьи сожрут великих воинов вместе с их хваленым оберст-генералом!

– Сколько лет живу, столько слышу про эту Летопись! – проворчал Гальфрид. – А хоть кто-нибудь ее читал?

– Если все пойдет по плану, нам такой шанс скоро представится. Итак, вы готовы?!

– Вознаграждение? – промурлыкала Земфира.

– Азия... Подойдет?

– Годится, – тряхнул головой рыцарь.

– Тогда к делу! Мне еще с чокнутым Расстегаем дело уминать... Вот сытъя кровь! – он сплюнул на пол.

Они быстро спускались вниз по широкой лестнице.

– А кто камешек увел? – спросила девушка. Она с интересом рассматривала темные стены подземелья. На черных базальтовых скалах были начертаны изображение гигантских

муравьев, подножия украшали непонятные письма.

– Тупой слуга чуня...

– Умно. – кивнул Гальфрид. – Можно будет свалить все на чуней.

– Валтасара не обманешь. Хотя он так и не догадывается, кто погубил его сына.

– Чудо чудное! Загадка империи! Скажите муравью, что это сделали унтерменши. Труп ведь возле их пещеры обнаружили!

– Ерунда! Валтасар доверяет бастардам.

– Не все мысли можно прочесть! – самодовольно усмехнулась Земфира. – Хотя я не хотела бы пообщаться с насекомым – интеллектуалом. От твоих болтливых стручей и так спасу нет, уважаемый дон! – она ткнула острым пальчиком в стену. – А кто-нибудь пытался разобрать эти каракули?

– Пробовали, и не раз. Бесплезно. Пришли! – граф нажал плиту, тяжелые скалы распахнулись, обнажив выпуклую зеркальную стену. – Ворота Домны... – в его голосе послышался благоговейный трепет.

За спиной раздался приглушенный шум, словно осыпались куски скальной породы.

– Что это?! – насторожился Гальфрид.

– Совсем рядом проходят муравьиные норы... – прошептал Тоций Ром, и оглянулся.

– Ладно! – тряхнул головой рыцарь. – Сколько выходов у Ворот Домны?

– Точно не знаю. Говорят, не меньше пяти сотен.

– Хорошая история! – протянула Земфира. – Не хочется очутиться где-то в Гренландии! – она жеманно повела голыми плечами.

– Так не случится. Мальчишка неделю колдовал возле Ворота. В ближайшие несколько дней они настроены только на одно место Нижнего Мира. Вы окажетесь в Санкт-Петербурге. Это культурный центр нынешних фенов. Там возвратных точек около полутора десятков. Земфира без труда их обнаружит. Постарайтесь не задерживаться! Ворота Домны могут поменять угол настойки, и тогда придется ошиваться в вашей любимой Азии или в Антарктиде.

– Историки пишут, что там холод собачий!

– В Петербурге теплое лето. Не замерзнете.

– А почему именно Петербург? – томно прикрыли глаза девушка. – В прошлые времена ромы посещали Париж... Если не лгут, конечно.

– В этом городе находится Летопись.

– Точно знаешь?

– Ратибор трепался с бастардами на рыночной площади, а мои фискалы всегда начеку.

– Это уж точно! – многозначительно усмехнулся рыцарь.

– Не время на пустую болтовню. Доброго вам пути!

– Слово в радость! – Рыцарь сжал девушку за руку, и они шагнули вперед. И пересекая невидимую зыбучую грань, Гальфирд ощутил острые мурашки на коже, и легкую дур-

ноту. Он хотел окликнуть подругу, но мощная тяга, как воздушный насос спеленала человека по рукам и ногам, он охнул и провалился в черное ничто. Белые полосы обвили тела людей, стало тяжело дышать, в лицо ударил чужой, тяжелый запах.

– Осторожней с мальчишкой! Опасен чертенок, дьявольски опасен! – охрипшим голосом прокричал граф. Ему неожиданно стало очень страшно, и несмотря на прохладу, царящую в подземелье, лицо запылало жаром.

– Слово в радость... – донесся слабый голос, лихой женский хохоток, и все стихло. На поверхности выпуклого зеркала остались черные тени людей. Они медленно растворялись, как будто краски смывало летним дождем, и вскоре совсем исчезли.

– Сытъя кровь... – прошептал граф, желая подбодрить себя, опять оглянулся, и быстро поднялся по ступеням. Стена запахла, закрыв зеркало. С потолка осыпались мелкие камни, в дальнем углу тоннеля промелькнула быстрая тень, и тотчас исчезла. Тощий Ром ничего этого не видел. Он выпил целый бокал нектара, и отправился на встречу с Расстегаем. На душе у него было тревожно.

* * *

...Сипуч Багрный выдыхался. Он бежал без остановки уже несколько часов. Жаркое солнце нещадно палило,

неприкрытые одеждой участки кожи являли собой кровоточащую рану. Погоня осталась далеко позади, в розовой дымке на горизонте маячили снежные пики. Камень уверенно влек его за собой, как настойчивый кормчий ведет путников к опасным предгорьям. Сила воли чуни оказалась бессильна перед властью кусочка обычного кремния. Возле нагромождения зеленых камней, в сухой земле появились глубокие вмятины. Сердце человека затрепетало как крылья струча. Сыпучий хрящ! Здесь начинались места его обитания. Сипуч хотел остановиться, но ноги упорно влекли несчастного к гибели. Давно скрылась за горизонтом рыба кость – замок Тощего Рома. Растительность в этих землях была чахлая, земля выжжена немилосердным солнцем. Из-за черных скал раздался громкий рев.

– Матушка Сушеница Топяная! – взвыл чуня. Больше всего он хотел оказаться в своих болотах, купить у бастардов несколько кусочков мыла, умаслить им ожоги, и лежать в благословенной тени, слушая мелодичное кваканье лягушек.

Земля дрогнула, на его пути объявился хрящ. Полтора метра ростом, единственный глаз сверкает как маленькое солнце, длинный рог угрожающе нацелен человеку в живот. Сипуч опустился на колени, закрыл глаза, но пальцы продолжали судорожно сжимать чертов камень из-за которого все и началось. Кузен донес ему новость. Расстегай младший объявил, мол дескать у всех народов есть свои Камни Света, а у чуней нет! Несправедливо это! Он пообещал тому, кто

добудет реликвию надел земли, и пять кило чистого серебра! Слыханное дело?! Тут и подвернулся удачный случай. Груздь устроился на службу к ромам, выносить отходы. Щепетильные ромы гнушались такой работы, и без хлопот открыли дурачку визу. Глупого чуню особенно не стеснялись, он лазал по замку, правда, отчаянно боялся стручей, каких там было полным полно, с его слов. Всякий раз, при появлении летучего насекомого, забитый парень садился на четвереньки, и накрывал трехпальными ладонями голову. Ромы от души над ним веселились. А как-то раз он увидел, как дон Тощий Ром открывает потайную дверцу, за серебряным барельефом, и любуется двумя обычными кремниевыми камешками. Груздь разболтал об этом Сипучу, ну а дальнейшее было делом техники... И вот сейчас, несчастный косою парень кормит пиявок, и организатору преступления осталось жить считанные секунды. Чуня зажмурил глаза, и ждал погибели. Он хотел впасть в спасительную спячку, но треклятый камень мешал сконцентрировать энергию. Сыпучий хрящ нападает быстро, от него не увернуться, тем более выдохшемуся от многочасового бега человеку. Стремительный выпад, рог пропарывает живот, на землю выпадают внутренности, и зверь медленно поедает сладкий ливер, перемалывая его плоскими зубами! Сипуч разрыдался. Он очень хотел жить, и боялся страданий. Если хрящ не убьет жертву одним ударом, он будет долго корчиться в муках боли, пока спасительный обморок не поглотит сознание. И впасть в

спячку не успеть! Ужас! Зверь отчего-то медлил, топтался на месте, недовольно ворча. Он источал ужасный смрад. За спиной раздался ироничный голос.

– Часто встречал воришек среди бастардов, это их профессия, но впервые вижу чуню вора!

Сипуч оглянулся. В коляске, запряженной двумя могучими псами, сидел высокий старик, у его ног расположился пучеглазый мопс. Несмотря на жару, шея человека была обмотана толстым шерстяным шарфом. Рядом топтался коротконогий толстячок. Судя по трем коротким пальцам на руках-чуня, или полукровка. Некоторые полукровки наследуют уродские, неполноценные руки, присущие жителям болот. Он сжимал толстый посох с железным острием – обычное оружие топных чунь, и смотрел на земляка с презрением.

– Вор – позорная должность для неудачника, а вор, попавшийся на краже еще и дурак!

– Все чуни – индюки! – поддержал человека Лука.

– Если хочешь жить, садись в коляску, и поспеши. – сказал старик. – Хрящ голодный...

Сипуч не заставил себя просить дважды. Он поднялся с колен, и быстро вскарабкался в коляску. Громмель не отводил взгляда от разъяренного зверя. Хрящ топтался не месте, не в силах оторвать мощные ноги от земли, на плоских губах вздулась розовая пена, желтый глаз источал бешеную злобу.

– Поехали! – не оборачиваясь, кинул через плечо колдун.

– Круп им в дышло! – крикнул Шнопс, вскарабкался на

притолоку коляски, и дернул поводьями. Собаки резво помчались по сухой земле, колеса выбивали звонкую дробь, за спиной ревел хрящ.

Колдун повернулся к дрожащему чуне.

– Камень! – глаза старика светились властью и силой, пальцы человека разжались. Громмель на лету подхватил реликвию, тонкие губы исказились в лукавой усмешке.

– Амулеты обладают магической силой. Слабых духом они ведут к гибели, сильных к могуществу.

– Куда теперь?! – выкрикнул Шнопс, отплевываясь от красной пыли, летящей ему в лицо. – Домой! – Громмель ван Остаде протянул чуне кусочек мыла. – Теперь ты мой раб.

– Слово в радость... – едва слышно прошептал Сипуч. Он натирал желваки мылом, а плечи его сотрясались от рыданий...

Коляска мчалась на северо-восток, в сторону Вотчины одомитов, колдун прикрыл глаза, в голове неслась круговерть мыслей. Больше всего его в настоящий момент заботил этот маленький паршивец. Интуитивно, маг угадывал, что племянник становится сильнее с каждым часом, одержимый злобой, он как-то совсем позабыл о том, что в целях предосторожности следует сменить замок на ошейнике. Он сжимал два Камня в ладонях, чувствовал жжение в капиллярах, и часть великой силы передавалась ему сквозь тонкие поры кожи...

Дмитрию Рослову часто говорили, что он похож на актера Жан Поль Бельмондо. Расплющенный нос – давняя влюбленность в бокс, смуглое, чуточку обезьянье лицо, и чертовски обаятельная улыбка. Он старался не подавать виду, но сравнение со знаменитым французом льстило самолюбию. В свои тридцать девять лет он сохранял отличную физическую форму, и даже подумывал с сорока начать выступать на международных соревнованиях по ветеранам. Хотя после получения майорской звездочки работа была в основном сидячая, с бумажками, и он набрал лишний пяток килограммов. Помимо бокса Рослов имел своеобразное увлечение, которое тщательно скрывал даже от самых близких друзей. Взрослый мужчина был одержим историями об исчезнувших цивилизациях, как подросток, и сохранил в душе навивную детскую веру, в исчезнувших гиперборейцах, затонувшей Атлантиде, таинственной Лемурии, и совсем уж фантастических народах наги, змееподобных существ обитающих на земле, под землей и в водах пресного океана. Такая страсть никак не соответствовала должности старшего оперуполномоченного убойного отдела, а потому приходилось держать ее в тайне.

Каждую субботу Дмитрий посещал семинар по альтернативным культурам, проходящий в здании университета. Посетителей на семинаре собиралось немного, жители современного мегаполиса озабоченны гораздо более насущными

земными проблемами, нежели изучение сомнительных по подлинности таблиц индийского монаха, в которых упоминался континент Му, простиравшийся от современных Гавайских островов, до острова Пасхи. Якобы уничтоженный гигантским землетрясением, случившемся двенадцать тысяч лет назад. Или же рассматривать явно поддельные документы Крантора. Древнегреческий ученый в 260 году до н. э. посещал здание храма богини Нейт в Саисе, где была доподлинно изложена подробная история атлантов.

Конечно, офицер полиции не был наивным романтиком, но он свято верил, что среди зарослей плевела наверняка прозревают зерна истины, надо только научиться их видеть.

Вел семинар такой же чокнутый романтик как и Рослов. Преподаватель истории Лев Маркович Штрудель. Он немного стеснялся своей фамилии, но в целом был мировой мужик. Когда наступало лето, люди разъезжались по дачам, или просто выбирались на природу, и в пустой комнате иногда оставались два неисправимых идеалиста. Майор Рослов, старший опер убойного отдела, и кандидат наук, заросший густой черной бородой до самого кадыка, профессор Штрудель. Но даже это обстоятельство не мешало мужчинам погружаться в волшебный и таинственный мир непознанной истории. Вот и сейчас, Лев Маркович ворвался в зал, на ходу теряя какие-то лежалые бумажки, сердечно пожал руку старому товарищу, рассеянно кивнул парочке, ютящейся на последнем ряду пустынной аудитории. Вероятно, влюбленные

забрали в поисках укромного местечка, а наткнулись на двух сумасшедших дядечек.

Штрудель веером раскидал по столу мятые листы, привычно нацепил на крючковатый нос выпуклые очки, отчего его глаза увеличились почти вдвое, и торжественно объявил.

– Дорогой, Дима! Я наконец закончил свою работу по древним одомитам! И прежде чем оповестить ученый совет, хочу поделиться своими выкладками с Вами. Я считаю Вас своим лучшим учеником, и другом. Согласны?

– Конечно, согласен, Лев Маркович! О чем речь?! – Рослов покраснел от удовольствия, и распахнул потрепанный блокнот.

– Не надо ничего записывать. Я непременно издам книгу, первый экземпляр Ваш!

– Спасибо. Я – весь внимание!

– Поехали! – это было любимое словечко ученого. – Итак. Вы знаете, что упоминания о древнем народе одомитов, расе агрессивных воителей древности, крайне противоречивы. Есть даже мнение, что такой цивилизации не существовало вовсе, а слово «одомит» – искаженная версия названия семитского племени идуменов. Однако, я убедительно доказываю, что антропометрические особенности одомитов, полное отсутствие религиозных культов, при наличии технологичных военных инструментов, красноречиво свидетельствуют, что это совершенно отдельный народ. Более того... Одомиты не являлись единственной расой того региона, где

они проживали. Рядом находились народности ромов, прошу не путать с римлянами, чуней и прочих мелких этносов.

– Черт возьми, профессор! – воскликнул Дмитрий. – На чем основываются такие выводы?!

– Хорошее замечание! – одобрительно кивнул историк. – Я уже много лет задаю себе один и тот же вопрос. Почему изучая древнюю историю, мы слепо опираемся на сохранившиеся летописи субъективно мыслящих истографов?! Возьмите к примеру печально известную Радзивилловскую летопись. На основании документа 18 века, мы строим чудовищную пирамиду лжи и заблуждений, которая представляет честный и гордый русский народ в облике попрошаек и дворняжек! Дескать, приходите нами княжить, гости заморские! Зело много у нас пушнины и зерна, но сами мы, прошу прощения – чушки немые! Очевидное искажение истории в интересах нормандского владычества. На мой взгляд, истинным является только документ-первоисточник, и то, с большой долей натяжки на личностное мнение автора.

Лицо Штруделя сияло как начищенный самовар.

– Бьете в мишень, как говорится! В самую точку! Вы не поверите! В Государственной публичной библиотеке!

Рослов критически осмотрел взъерошенную фигуру гения.

– Лев Маркович, Вы знаете, как я к вам отношусь, однако верится с трудом. Но с какой стати, древний манускрипт будет валяться как попало в библиотеке?!

– Не совсем валяются, и не как попало... Тут вот такая штука. Одомиты не вымершая цивилизация, как атланты или лемурийцы. Они живут по сей день.

– Ничего не понимаю! – сокрушенно выдохнул Дмитрий. – Как такое может быть?!

– Просто. И одновременно очень сложно. Я только начал расшифровывать документ, текст чрезвычайно трудный, нет аналогов ни в одном из ныне существующих наречий. К тому же обрывочный листок... Мне совершенно точно ясно одно. Древняя раса, находясь на грани исчезновения, не стала прятаться на дне океана или среди заброшенных тихоокеанских островах. Они живут в параллельном мире, имея лазейку, через которую могут навещать в гости, как непрощенные визитеры. Быть может, мы сейчас с вами беседуем, а на задней парте обнимается не парочка скучающих влюбленных, а одомит и девушка рома! – он широко улыбнулся и помахал рукой. Девушка усмехнулась, и послала профессору воздушный поцелуй.

– Одним словом, дорогой Дима, мы с вами на пороге величайшего в истории человечества открытия. В том листке, есть одна пугающая меня вещь... – он нахмурился. – Часто повторяется слово, оно продублировано символом, который можно расценивать как «смерть.» И по мере продвижения текста, символ дублируется все чаще... Взгляните! – он разложил на столе шуршащий ветхий листок, напоминающий полуистлевший папирус.

Рослов склонился над бумагой. Желтый цвет, паучки, цветочки, закорючки. Схематичное изображение напоминает муравья. От листка исходит сладкий цветочный запах.

– Почему она так пахнет?

– Вы тоже заметили? – улыбнулся Штрудель. – Это не бумага, и ничего подобного. Будто спрессованные лепестки роз. У меня к вам просьба, Дима! Вы можете сделать в своей лаборатории нечто вроде анализа бумаги? Нутам, время изготовления, материал, из которого она сделана...

– Конечно... – он провел пальцами по шероховатой поверхности. – Но это займет пару дней.

– Ничего страшного. У меня имеется ксерокс. Для окончательной расшифровки документа мне потребуется неделя.

– Хорошо. Я все сделаю, – он аккуратно положил листок в папку. – На сегодня все?

– Пока да... надеюсь, к следующей субботе порадую вас настоящей сенсацией! Если не возражаете, мой дорогой, я упомяну ваше имя в своей работе.

– К сожалению, не могу согласиться! – Дмитрий с трудом выдавил из себя эти слова, мысленно проклиная чертову профессию.

– Понимаю, – сочувственно кивнул профессор. – Работа такая! – он быстро собрал бумаги в портфель, пожал товарищу руку, и выбежал из комнаты. Было слышно, как в коридоре стучат его каблуки. Вслед за ним поднялись, и вышли наружу парень с девушкой. В окно стучались пестрые гроз-

дья отцветающей сирени, Рослов глубоко вздохнул, и направился на улицу. От рассказанной Штруделем истории, кружилась голова.

Возле входа стоял припаркованный старенький джип. Кузов заляпан комьями грязи, машина перегораживает выход из здания. Дмитрий с трудом протиснулся наружу. На подножке джипа сидела черноволосая девушка. Смуглая кожа, густые брови, смолянистые глаза, такую красотку и в кино не каждый день увидишь! На ней была надета вызывающая прозрачная блузка, позволяющая лицезреть совершенной формы грудь. Рядом стоял коренастый парень, в куртке военного образца, с вышитым на кармане американским звездно-полосатым флагом. Девушка протянула к майору сигарету.

– Прикурить не будет, гражданин начальник? – она улыбнулась, обнажив ненормально белые зубы.

– Не курю. – сухо ответил мужчина. – Тачку от дверей убери, приятель! – он обернулся к мужчине.

– Ви исфолить ошибаться, мистер! То есть не мой машин! – парень щелкнул себя по флагу, и ослабился как на официальном приеме. – Я есть американский человек! Яволь?!

– Шут гороховый! – процедил сквозь зубы Рослов. Он с трудом подавил приступ гнева, и зашагал по менделевской аллее, чувствуя спиной тяжелые взгляды незнакомцев. Подошел к своему «ниссану», вдавил кнопку сигнализации. Сзади с ревом промчался джип, едва не сбив его с ног. Мужчи-

не помогла исключительная реакция, он отскочил в сторону, спину обдало ватной подушкой горячего воздуха. Майор присел, скрываясь за корпусом «ниссана», высунулся наружу, джип выскочил на набережную, номера были заляпаны толстым слоем грязи.

– Сволочи... – прошептал мужчина, мгновенно нырнул в салон, выдал педаль газа, «кашкой» протестуяще взвизгнул протекторами, стремительно набирая скорость. Несколько минут Дмитрий мчался по улицам, рискуя попасть в аварию, вилял между редкими автомобилями, как заправский гонщик. Грязный джип словно взлетел на небо. Майор даже на всякий случай поднял глаза, по голубому небосклону ползли редкие белые облачка. Предстоящий день сулил жару. Требовательно зазвонил телефон, мужчина затормозил, посмотрел на экран, и не смог сдержать улыбку. Надя... Он нажал кнопку вызова.

– Дима?

– Да, Надюша! Слушаю тебя...

Голос девушки звучал неуверенно.

– У меня проблемы... даже и не знаю, как сказать...

– Начинай с главного. Проблем не существует, когда рядом с тобой бесстрашный майор Рослов! – он угадал, что девушка улыбнулась.

– Меня забрали в милицию. Бред какой-то... Ты можешь приехать?

– Какое отделение. Диктуй адрес.

Надя быстро назвала номер отделения, и отключилась. Рослов врубил передачу, резко развернулся через двойную сплошную полосу, и скрылся за поворотом. А из двора медленно выехал серый джип, и неторопливо покатыл по набережной.

ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ. Вознесенский проспект. 11.45.

– Шатаемся по вонючим лавкам, как бастарды! Я уже вся пропахла этим хламом!

– Это восьмой магазин...

– Благодарю за науку счета! – Земфира язвительно поклонилась.

– Тебе следовало надеть другую одежду. Здешние фены слишком похотливы, не хочется каждому второму сломать шею.

– Ревнуешь? – девушка кокетливо обнажила грудь.

– Ты успела прочесть мысли этого индюка?

– Это – рыцарь! – она оживилась. – Если бы я решилась поиметь любовь с феном, то выбрала бы именно такого парня.

– Точно – шлюха! – Гальфрид остановил машину возле антикварной лавки.

– Ты из ревности решил сбить фена корявым джипом?! – она прильнула к мужчине, тронула розовым язычком его веко.

– Одно слово – полукровка... – брюзгливо сказал ры-

царь. – Так что насчет его мыслей?

– Гнев, ярость, любовь, честь, сострадание... обычная шелуха, свойственная всем фенам. Он даже не умеет скрывать свои эмоции. С трудом вериться, что таким может быть Странник.

– А как насчет мальчишки?

Улыбка сошла с девичьего лица, пухлые губы сжались в узкую ленту, лоб прорезала глубокая морщина.

– Очень сильный маг! Тощий Ром был прав. Я не могу его найти...

– Найдем! – ободряюще сказал Гальфрид. – Летопись обнаружили без особых хлопот... – он вышел из джипа, подошел к дверям, нажал кнопку вызова. Земфира привела в порядок блузку, и отчаянно виляя бедрами, шла следом за мужчиной.

Торговец распахнул двери, молча пропустил посетителей в салон, не выказав удивления откровенному наряду девушки.

– Чем могу быть полезен? – он склонился над прилавком, отчего горб на спине стал похож на сложенные крылья хищной птицы.

– Нас интересуют камни. – улыбнулась Земфира.

– Бриллианты, изумруды, благородная шпинель, корунды...

– Нет... Обычные старинные камушки.

– Ясно, – торговец с трудом извлек мятый латунный под-

нос, усыпанный гроздьями фальшивого жемчуга и старыми пуговицами, с ключьями оборванных ниток в черных глазах. – Ищите, коль охота есть! – он неприязненно взглянул на молодого человека. Тот с детским восторгом протянул руку к длинному мечу, тронул выщербленное, покрытое ржой лезвие.

– Он настоящий?!

Продавец цепким взором смерил поношенную, армейского образца куртку посетителя, жесткую щетину на скулах и коренастую фигуру.

– Здесь все настоящее! – солгал он равнодушно. – Имейте в виду, что если вы найдете камень, его придется купить!

– Конечно! – Гальфрид рассеянно кивнул. От прикосновения к старому железу заныли пальцы, через подушечки, сквозь микроскопические капилляры в плоть властно проникла иллюзия жаркой битвы, хруст костей, разрываемых закаленной сталью, горечь липкой крови, ржанье коней, храп и стук тяжелых копыт, стоны раненых, яростные вопли победителей, и паркий запах крови, струящийся над опаленной землей...

– Не отвлекайся, дорогой! – ослепительно улыбнулась Земфира. – Мы ищем камень!

– Ну-ну! – скептически покачал головой торговец, и выставил поднос на треснутую столешницу фальшивого «буля». Он отвернулся, и с преувеличенным вниманием принялся смахивать пыль с золоченой рамы. В облупившемся

зеркале возникло движение. Несмотря на преклонный возраст, торговец обернулся с необычайным проворством. Загадочный посетитель стоял у него за спиной. Двигался он быстро, антиквар метнулся за спасительный прилавок, но мужчина заслонил массивной фигурой кнопку сигнализации. Девушка продолжала улыбаться, сжимая в пальцах маленький камешек, усеянный крошечными черными точками.

– Есть! – выдохнула она. – Ну что, Гальфрид, уходим, или... – улыбка трансформировалась в звериный оскал.

– Вы что... – впервые в жизни антиквару стало по-настоящему страшно. – Вы что хотите?! – от брезгливой надменности не осталось следа. Она захлебнулась в приступе лютого страха, горячим спазмом скрутило живот. Неожиданно он громко пукнул. Парень молча смотрел в глаза старику. Несмотря на ужас, торговец почувствовал жгучее любопытство. Что он мог проглядеть в своей «Лавке старьевщика», чей ассортимент знал лучше, чем собственные пять пальцев?!

– Ну что, нашли камень?! – он заискивающе улыбнулся. Девушка кивнула, на ее ладони лежал овальный камешек, не более пяти сантиметров в диаметре. Обычный, грязно-серый булыжник, какие сотнями разбросаны по побережью Финского залива.

– Позвольте взглянуть! – антиквар робко протянул руку к дурацкому камешку. Едва ли бы кто из коллег узнал сейчас в насмерть перепуганном горбуне заносчивого, скандального

торгаша!

– Изволь. Но не обожгись. Камни Света обладают особенной силой. Рыцарь не рискует его долго держать в руках, не так ли, Гальфрид?

Мужчина промолчал.

Торговец схватил камешек липкими пальцами. А чего он так собственно перепугался?! Здоровый мужик, полуголая девица, ну и что из того?! У парня небритая рожа, опаленные загаром скулы, цепкие серые глаза, и лицо какое-то НЕЗДЕШНЕЕ. Держа в руках камень, горбун почувствовал себя увереннее. Это был ЕГО товар, найденный в ЕГО лавке, но убей Бог, он совершенно не мог вспомнить, откуда тот взялся! Привычным жестом он сдвинул очки на кончик носа, поднес загадочный предмет к глазам, став похожим на прожорливого стервятника, готовящегося впиться могучим клювом в добычу. Суббота! Сколько раз он зарекался не работать в субботу! Прости меня, Бог! А все жадность... впрочем, жадность тут не причем, нельзя терять форму, конкуренты, эти алчные молодцы так и дышат в затылок!

Обычный гладкий камешек, странные черные точки, едва различимые на поверхности, образуют извилистую кривую, похожую на «восьмерку», знак бесконечности... Отточенным движением торговец выхватил из кармана пиджака лупу, щелкнул по лакированному ободку, стеклышко выскочило из уютного гнезда. Горбун ощутил в пальцах легкое жжение, нервно поежился, и бросил короткий взгляд на

закрытую дверь. На мгновение ему почудилось, что за окном потемнело, будто утреннее солнце закрыла косматая туча. Оконные жалюзи отбрасывали серые тени, они медленно текли по сухому паркету, будто живые змеи. Торговец съехался, по спине бежали резвые мурашки. Он сконцентрировался на камне, увеличительное стекло дрожало в руках, черные точки расплывались, текли перед глазами, как пляшущие дьяволята.

– О, Господи! – прошептал человек. Он отшатнулся от камешка, кинув затравленный взгляд на посетителей. Девушка уверенно выхватила камень из слабеющих рук продавца, повела носом, будто дикая кошка учуяла добычу, и радостно оскалилась.

– Здесь возвратная точка!

– Где?! – резко обернулся к подруге рыцарь.

– Вон там! – она простерла руку в сторону темного коридора.

– Что у тебя там, жалкий унтерменш? – властно спросил Гальфирд у старика.

– Там кладовка...

Рыцарь оперся ладонью о стол, и с легкостью акробата перепрыгнул через высокий прилавок. Он скрылся в кладовке, загрохотали тяжелые сапоги. Торговец недоуменно хлопал глазами. Его ноги словно приросли к земле.

– Что вам угодно, господа?!

– Боюсь, сегодня не твой день, фен! – мило улыбнулась

женщина. – Надо же было такому случиться, что возвратная точка оказалась в твоей лавке. Оно и лучше. Не придется тащить за город! Честно говоря, освоить ваши машины совсем нетрудно, но на собачьей упряжке как то привычнее. Опять, таки воздух чище!

Из коридора вышел рыцарь, он улыбался.

– Ты как всегда права, гуляющая ведьма! Больше зеркало...

– А то! – фыркнула Земфира. – Постарайся побыстрее, Гальфрид! – она вышла, дверь хлопнула, мелодично звякнул колокольчик.

– Итак, сколько ты хочешь за свой товар, унтерменш? – глаза парня были пустыми, будто у незрячего. Змеящийся шрам похож на кривую ухмылку уголовника. Старик отлично разбирался в людях, и такие глаза он видел лишь однажды, в далеком семьдесят втором году, когда сидел в «Крестах» по обвинению в контрабанде. Дело удалось замять, слава Богу, но несколько месяцев пришлось отсидеть в тесной камере, на втором этаже. Камера была рассчитана на четверых, но находилось в ней девять человек. Будучи молодым незрелым юношей, он вступил в беседу с одним из подследственных. Жилистый сорокалетний мужчина, череп обтянут серой кожей, а узловатые, словно ветки деревьев плечи, изобиловали синью татуировок. Он говорил часто, ловко выплевывая через щербатый рот-щель непонятные прибаутки и скороговорки. Антиквар не успел заметить, как оказался втянут в тягостный спор, быстро завершившийся тем, что

мужчина навесил на него выдуманый долг. Молодой человек искренне возмутился – уже тогда мериллом чещнощи для него были деньги и только деньги! И вот тогда уголовник быстро, как худая голодная кошка соскользнул с нар, и шагнул к торговцу. На его плечах синели жирные татуированные звезды, и глаза были такими же пустыми и незрячими.

Левой рукой, посетитель медленно дернул молнию на крутке. Все это антиквар видел боковым зрением. Перед взором застыли плывущие черные точки... нет! Какие к дьяволу, точки?! Знак бесконечности!

Серые тени уверенно обогнули низенькую банкету, робко тронули массивное основание бронзового торшера, и стремительно промчались между ореховым буфетом и прислоненной к шкафу спинкой от кровати. Сгустившийся мрак поглощал кислород, как алчное пресмыкающееся, быстро, жадно, навсегда.

– Откуда это... – прошептал торговец хриплым голосом, и рванул сдавливающий шею галстук. – Откуда «это» у вас?!

– У меня?! – мужчина улыбнулся еще шире. На скулах объявились симпатичные ямочки. Он спокойно оглянулся на запертую дверь. – Не у меня, а у тебя! Это ведь твой магазин, не так ли?! – он запустил руку в прореху куртки.

– Товар не продается... – жалобно пискнул горбун. – Верните... – он закашлялся, на глазах выступили слезы. Плотный мрак, окутавший помещение магазина вытеснял молекулы живительного воздуха, наполняя едким запахом серы

и гниения. Дрожащей ладонью антиквар вытер со лба струящийся пот.

«Хочешь, я сейчас же докажу тебе, что ты не прав, сявка?!» – ухмыльнулся бывалый урка, и холодный спазм сжал мочевого пузыря. Боковым зрением он увидел, как серые тени тронули носки его старых башмаков. Будто змея прикоснулось раздвоенным язычком к щиколотке. Старик закричал, прижался спиной к массивному золоченому киоту, и отшатнулся, словно на затылок плеснули кипятком.

– Как это «не продается»?! – парень улыбнулся еще шире. – Любой предмет можно продать, цена вопроса, не так ли?! – в его руках сверкнуло широкое лезвие. Точно такой нож антиквар видел в старом американском боевике. Загорелый мужчина с мускулистым торсом бегал по джунглям, и резал этим ножом миниатюрных, похожих на женщин азиатов.

– Что вы хотите?! – чтобы не упасть, старик вцепился в прилавок. Жалобно звякнули выстроившиеся в ряд хрустальные бокалы. – Вы хотите денег?! Это, что – ограбление...

Изворотливая мысль билась под плешивым черепом, как затравленная мышь. Сколько ему предложить? Пятьсот долларов?! Или быть может двести... вряд ли... триста пятьдесят-в самый раз! Горбун оторвался от спасительного прилавка, и лихорадочно шарил рукой по карманам. Плотные купюры слиплись, он лихорадочно пытался угадать чуткими

пальцами три сотенные бумажки. Едва ли будет правильным вытаскивать сразу всю пачку, там полторы тысячи долларов! Этот бугай с огромным ножом заберет все ЕГО деньги! Эта мысль вызвала у старого менялы приступ бешенства такой силы, что ярость подавила страх. Очнувшись от паралича, он шагнул к прилавку. Там, под складками лежалого бархата мирно дремала кнопка тревожной сигнализации. Он ежемесячно платит за нее около пятисот долларов! Этим дармоедам из вневедомственной охраны пора бы отработать свой хлеб! Мужчина перехватил взгляд антиквара, и улыбнулся еще шире.

– Ты, должно быть, хочешь вызвать охрану? – он с любезной ухмылкой качнул острием ножа в сторону кнопки. Движения грабителя были мягкими, ленивыми, как у сытого леопарда. – Прошу...

Торговец метнулся к прилавку, и что было сил, вдавил пальцем в утопленную белую кнопку. Посетитель укоризненно качнул головой.

– Какой недоверчивый торгош!

Антиквар в бессильной злобе ударил кулаком по никчемной кнопке, и выбросил на прилавок мятую пачку купюр. Сотенная бумажка соскользнула с гладкого стекла, и медленно опустилась на пол. На потертой бумаге, возле левого глаза седовласого господина лилово цвели фиолетовые пятна.

– Вот! – выдохнул торговец. – Берите и убирайтесь прочь отсюда!

– Мне не хочется убивать тебя, жадный фен! – покачал головой Гальфрид. – Негоже рыцарю марать оружие ради презренного старика. Но в твоей лавке обнаружена возвратная точка. Тебе не повезло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.